

**ИРИНА ПАШАНИНА, ТАХИР
ШАХ**

УЧЕНИК МАГА

Тахир Шах Ирина Пашанина Ученик мага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51828671

Ученик мага:

ISBN 978-5-91051-077-1

Аннотация

Как ребенок в сельской Англии, Шах Tahir изучил первые тайны иллюзии от индийского фокусника. Больше чем два десятилетия спустя он отправлялся в поисках этого фокусника, наследственного опекуна могилы его прадеда. Ученик Волшебника – история его поисков, и инициирование в, братство индийского godmen. Учась по пути от садху, мудрецов, олицетворений и волшебников – это – поездка, которая взяла его от Kolkata до Chennai, от Бангалора до Mumbai, в поисках удивительного. Поиски причудливого, поразительного низа живота субконтинента, путешествия Шаха снимают завесу на большинстве озадачивающих чудес Востока. Разоблачающие мошенничества и изобретательные жульничества, Ученик Волшебника выставляет сторону Индии, которая часто скрывается от глаз посетителей, возможно из-за пределов их собственного наблюдения.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	21
3	40
4	56
5	85
6	99
Часть вторая	120
7	120
8	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Тахир Шах

Ученик мага

Часть первая

*Три вещи вернуть невозможно:
Стрелу, что пущена из лука,
Поспешно слетевшее с уст слово,
Возможность, что была упущена.*

*Али ибн Талиб, четвертый праведный халиф зять
пророка Мухаммеда*

1

Тот, кто приводит души в трепет

Поначалу мы даже не поняли, что это был дурной знак. День выдался теплый. С бездонно-голубого неба на покрытую росой лужайку лились потоки яркого солнечного света. Садовник впервые за то лето вытащил свою допотопную газонокосилку. Огромный тис тянул к солнцу ветви, и те отбрасывали на траву длинные тени. Белки скакали по араукарии и лесному буку. Кусты азалии наполняли утренний воздух тонким ароматом. И вдруг, ни с того ни с сего, с неба посыпались градины размером с каштан, мгновенно разрушив всю идиллию. Единственное на всем бездонном небе облачко сбросило на наши головы предательские снаряды.

Длилась бомбардировка минуты три. Лишь только последние градины ударились о землю, как дверной звонок возвестил о приходе незваного гостя.

Хоть мы и жили в глухой английской провинции, нельзя сказать, что странные гости были редкостью в нашем доме. Дом будто магнитом притягивал чудаков. Никогда не знаешь заранее, кого принесет в следующий раз. Но человек, объявившийся на крыльце в тот день, даже по нашим меркам был крайне необычным.

Первым, что поражало в этом огромном пуштуне, была его необычайная волосатость. Лицо почти целиком скрывала густая курчавая борода, похожая на ком угольно-черной сахарной ваты. Она развевалась во все стороны. Его руки поросли густым жестким волосом, даже из ушей и из ноздрей крючковатого, напоминавшего птичий клюв носа торчали многочисленные жесткие волоски. В тех редких местах, где волосы не росли – на подушечках пальцев, ладонях и под глазами – морщинистую кожу покрывали чешуйки как на морде броненосца. Его антрацитовые глаза говорили о безупречной честности, а глубокие морщины на лбу свидетельствовали о бурном прошлом.

Похожий на огромного медведя человек пригладил густейшую бороду ярко-красной пластмассовой расческой и отряхнул пыль со своего выдавшего вида шальвар-камиза цвета хаки – такие костюмы из рубахи и мешковатых брюк любят носить жители Гиндукуша. Он поправил завязанный

узлом на кабульский манер тюрбан, венчавший голову подобно короне, и скромно потупился, едва створки входной поползли внутрь. Узнав Хафиза Джана, сына Мохаммеда ибн Макбула, мой отец обнял его.

Багаж пуштуна – один-единственный запечатанный ящик из-под чая с нанесенными по трафарету черными буквами «ASSAM» – был со всем почтением внесен в дом. Ящик оказался тяжелым, будто средних размеров слоненок, и от него нестерпимо воняло тухлой рыбой.

Хотя Хафиз Жан и не предупреждал о своем приезде, ему было оказано всяческое гостеприимство. Подали чай и легкие закуски, произошел обмен любезностями. На гостя пролился поток благословений и подарков. По восточной традиции отец со всеми подробностями изложил родословную нашего дорогого гостя.

Его предки сражались бок о бок с моим предком, афганским полководцем и государственным деятелем Джаном Фишаном Ханом (этот псевдоним в переводе означает «Тот, кто приводит души в трепет»). И не было у него сторонников более отважных и достойных доверия, чем предки Хафиза Джана. Они сопровождали полководца во всех походах. Многие из них пали в боях, сражаясь плечом к плечу с моими родичами. И когда в 1842 году их предводитель во главе огромной армии отправился из Афганистана в Индию, они последовали за ним. После внезапной кончины, настигшей Джана Фишана Хана в захолустном индийском городке под

названием Бурхана, они принесли клятву вечно охранять покой мавзолея своего командира.

Прошло более века, и Хафиз Джан с гордостью принял передаваемую в их роду по наследству должность хранителя могилы моего пра-пра-пра-прадеда.

– Усыпальница Джана Фишана, – произнес он на безупречном английском, – это усыпальница усыпальниц, и по своей величественности она достойна того, кто в ней погребен. Она будет стоять десять тысяч лет и даже больше!

Далее последовала длинная речь, в которой пуштун восхвалял память Джана Фишана. Такие славословия, в которых снова и снова повторяются всем известные факты, уместны скорее в конце пышного афганского пиршества, нежели во время скромного чаепития.

– Его высочество принц Мохаммед Джан Фишан Хан, сын сейида Кутубуддина Хана из Пахмана, – начал Хафиз Джан глубоким бархатистым голосом, – был праведным, великодушным и благородным, а еще он был лучшим наездником всех времен и народов. Известный также под именем Шах-Саз, «Дарующий троны», он был непревзойденным стратегом, дипломатом, философом и великомудрым правителем. Даже и по сей день, – продолжал Хафиз Джан, все более воодушевляясь, – звуки легендарного имени Джана Фишана Хана, того, кто приводит души в трепет, заставляют содрогнуться потомков его врагов!

Тут Хафиз Джан умолк, будто по приказу, взял моего от-

ца за руку и повел в сад. Лицо его омрачало беспокойство. Вернулись они минут через двадцать. Поначалу отец молчал. Хафиз Джан тоже проявлял сдержанность.

– Наш брат Хафиз Джан, – заговорил отец в нерешительности, – пересек несколько континентов, чтобы приехать к нам. Он оставил могилу нашего предка и спешно направился сюда. Причиной для такого путешествия стал тревожный сон.

Отец в задумчивости хмурил брови, пересказывая сон Хафиза Джана. Сон был длинный и запутанный. Рассказ строился вокруг одного страшного происшествия, с которым было связано великое множество других событий, и это сбивало с толку. Сон касался моего будущего.

Там, во сне, я оступился и упал в замаскированный колодец, где меня ждала внезапная и бесславная смерть. Хафиз Джан преодолел моря и горы, чтобы уберечь меня от опасности, о которой предостерегал сон. Поднявшись во весь рост, пуштун рубанул рукой воздух.

– Можете быть уверены, – гаркнул он, – я не уеду отсюда, пока опасность не минует!

Внезапный приезд отважного и благородного пуштуна, который клянется защищать одиннадцатилетнего мальчика, на первый взгляд может показаться нелепым. Однако в истории нашей семьи был один случай, который заставил нас отнестись ко сну нашего гостя со всей серьезностью.

Дело было во время отступления англичан из Кабула. В

опочивальню Джана Фишана Хана прокрался какой-то по-встанец и достал кинжал, чтобы убить полководца. Но тут из-за ширмы тихонько вышел один из самых доверенных людей Джана Фишана Хана и перерезал незваному гостю горло. Со временем этот случай превратился в легенду, став нашим любимым семейным преданием. Спаситель Джана Фишана Хана, чьим потомком был Хафиз Джан, узнал о готовящемся покушении из вещего сна.

Отказавшись от дальнейшего угощения, Хафиз Джан с решительным видом вышел из гостиной. Втащив свой ящик наверх через четыре лестничных пролета, он поставил его возле двери моей комнаты под самой крышей, извлек оттуда тюфяк и расстелил перед дверью.

– Не волнуйся, – прошептал он, укладываясь на свою походную кровать, – если сюда проникнет злоумышленник, я схвачу его за ноги и разорву пополам!

Мне приходилось то и дело напоминать Хафизу Джану, что он явился защищать меня вовсе не от коварного убийцы, и вряд ли замаскированный колодец обнаружится под самой крышей дома. Пуштун в ответ набирал в легкие побольше воздуха и, потрясая кулаками, говорил:

– Никогда не следует недооценивать дьявольское коварство шайтана!

Впереди было целое лето, и мы с Хафизом Джаном проводили вместе довольно много времени. Я учил его скорого-

воркам, он рассказывал мне о многочисленных выдающихся деяниях Джана Фишана Хана. Свою речь Хафиз Жан обильно уснащал пуштунскими поговорками, не были исключением и эти его рассказы.

«Умный враг, – говорил он, поглаживая свою бороду, будто пушистого домашнего зверька, – гораздо лучше глупого друга». Или: «Некто выучил язык птиц, но забыл свой собственный». А еще вот – любимая поговорка Джана Фишана Хана: «Hits shay haghase nu dai che khkari... ничто не является тем, чем кажется».

Лишь воздав должное памяти моих предков, Хафиз Жан соглашался поведать о своем захватывающем путешествии из северной Индии в нашу маленькую деревушку. Он плыл сначала на контейнеровозе, потом на грузовом судне, которое бралось доставить любой груз куда угодно. Он побывал в самых разных портах. Корабли принимали на борт семена люцерны, фестонные ножницы, соленые телячьи языки и шприцы для подкожных инъекций, а Хафиз Жан зарабатывал себе на проезд тем, что чистил картошку и развлекал команду.

Развлечения, как я вскоре понял, были излюбленным коньком пуштуна.

За те недели, что Хафиз Жан прожил у нас, он извлекал из недр своего бездонного ящика из-под чая самые разнообразные диковинки. И чем глубже его волосатые пальцы погружались в ящик, тем любопытнее оказывался улов. Мне

оставалось только недоумевать: как это таможня Ее Величества в Саутгемптоне допустила ввоз в страну таких опасных вещей?

На самом дне ящика, под револьвером системы Уэбли-Скотт Mk VI, под парными наборами патронташей буйволовой кожи, ракетницей с шестью сигнальными зарядами и большой, выдавшей вида жестянки с зеленым наркотическим порошком – насваром – гнездилась батарея огромных древних склянок из мутно-зеленого стекла. Склянки с пузырящейся жидкостью были плотно закупорены стеклянными пробками и запечатаны воском, и каждая была обернута соломой. Хафиз Джан иногда вынимал их по одной, будто драгоценные яйца из гнезда экзотической птицы, и рассматривал их на свет. На каждой из склянок был рельефный рисунок черепа и костей, а еще – ярлык, предупреждавший о яде.

Мышьяк, цианид и натрий; стрихнин, фосфористая и азотная кислоты: судя по названиям, владелец всего этого богатства был серийным отравителем. Коллекция ядов до того меня заворожила, что я даже не подумал поинтересоваться у нашего гостя: зачем ему все это? Я был уверен: Хафиз Джан приехал убить всех нас и освободить свой род от векового рабства и необходимости охранять могилу. С таким набором сделать это было проще простого.

Но у пуштуна обнаружилась неожиданная давняя страсть – из-за нее он и возил с собой все эти опасные реактивы. Хафиз Джан обожал показывать фокусы.

Если бы не доставшаяся в наследство должность хранителя усыпальницы, он, вне всякого сомнения, стал бы профессиональным фокусником. До кончины своего отца пять лет назад он осваивал искусство создавать иллюзии под руководством лучших мастеров Индии. Но и сейчас, когда ему выпала судьба хранителя усыпальницы, Хафиз Джан в свободное время усердно совершенствовался в этом искусстве.

Каждое утро после завтрака, вытерев лицо бородой, будто полотенцем, наш гость вел меня в мою комнату и плотно прикрывал дверь. Из ящика извлекался целый набор разных жидкостей и прочего реквизита. В целях безопасности Хафиз Джан всегда прятал свою пышную бороду под рубаху и только после этого принимался за работу в тишине моего чердачного убежища.

Каждый день являлось новое колдовство. Ловкость рук – обман при помощи едва заметного движения руки – составляла основу многих фокусов. Часто я засиживался до рассвета, тренируя основные движения под руководством Хафиза Джана. Благодаря ловкости рук я демонстрировал родителям новоприобретенные и, главное, безопасные навыки. Но моим фокусам было куда как далеко до тех потрясающих чудес, которые так легко можно было сотворить при помощи содержимого зеленых склянок из мутного стекла.

От Хафиза Джана не укрылся мой интерес к реактивам и сложным манипуляциям. В импровизированной лаборато-

рии – моей комнате – мы готовили бутылки и банки к работе. Для начала нужно было расстелить на полу бумагу или картон, потом сверху насыпать перманганат калия. Несколько капель глицерина, и вверх устремлялись языки пламени. Потом наступала очередь «Кровавой битвы», как любил называть этот опыт Хафиз Джан. Он всегда говорил «опыт», а не «фокус» – ему казалось, это придает занятиям серьезность. Название «Кровавая битва» превращало старый фокус в высокое искусство.

Хафиз Джан мазал мне ногу раствором хлорного железа. Пока жидкость не высохла, он хватал украшенный гравировкой нож, тайком погружал его в раствор роданида натрия и прикладывал нож к обработанному участку кожи у меня на ноге с таким видом, будто собирался сделать глубокий надрез. Я изображал предсмертные судороги, а Хафиз Джан с наслаждением хохотал. Там, где лезвие соприкасалось с кожей, оставались ярко-красные полосы. Пуштун показывал, как вытереть красную жидкость, чтобы не осталось следов. «Фокусники по всему миру, – говорил он, – прибегают к этому опыту, демонстрируя свою способность заживлять раны».

Хафиз Джан обрушивал на меня потоки химической премудрости, и с родными я почти не виделся. Когда же мы встречались, они лишь успевали убедиться, что я жив-здоров и в колодец не провалился. Шли недели, и родителям показалось, что уроки волосатого пуштуна пагубно влияют на их сына, который вот-вот вступит в переходный возраст.

Если кто из родителей заставлял Хафиза Джана на лестничной площадке, где он с упорством продолжал жить, и пытался с ним серьезно поговорить, тот отделялся лишь невнятными пуштунскими поговорками, глядя на них огромными честными глазами. Родители вновь преисполнялись доверия к гостю. А Хафиз Джан, будто по волшебству, извлекал откуда-то бутылку с хлористой ртутью и с широкой улыбкой фокусника приглашал меня продолжить занятия.

– Теперь тебе по силам зачаровать зрителей, – сказал Хафиз Джан как-то раз за завтраком. – Мы их пленим нашим волшебством.

– Их?

С широкой улыбкой пуштун указал на моих родителей, вышедших прогуляться по саду. Он, конечно же, забыл, что при сложившихся обстоятельствах лучше не показываться на публике. Я высказал свои опасения.

– Ладно тебе скромничать, – расхохотался Хафиз Джан, – я хочу похвастаться твоими успехами, мой юный ученик.

– Но...

– Мы устроим большое представление. Как насчет следующего воскресенья?

Дни напролет я тренировал ловкость рук и химические фокусы, доводя навыки до совершенства. Каждая свободная минута посвящалась изучению магии. Однажды мы пошли тренироваться на улицу. Я отвел своего учителя подальше через поле – в уединенную рощицу. Когда-то давно там стоял

маленький домик. Сначала Хафиз Джан показал опыт с «горящей водой»: фокусник наливает воду в жестяную кружку и отпивает – мол, в ней простая вода. Затем из того же кувшина льет в другую кружку. Как только кружка наполняется, вода начинает гореть. На дно второй кружки кладется крупица калия размером с горошину и добавляются три столовых ложки эфира. Когда вода попадает в кружку, калий загорается и поджигает эфир, который растекается по поверхности воды.

– А теперь, – объявил Хафиз Джан, – я научу тебя фокусу с волшебным кольцом.

Он снял с мизинца на правой руке покрытое пятнами золотое кольцо с лазуритом.

– Но для начала мне нужны три гриба. Найдешь?

Я отправился на поиски грибов в густые заросли невысокого кустарника. В подлеске мне попались старая парусиновая туфля, моток ржавой проволоки и коричневая стеклянная бутылка из-под пива. Но никаких грибов. Я уже готов был вернуться, но угодил ногой в яму, споткнулся и поранил колено.

Пуштун услышал мой крик и примчался на помощь. Он перевязал мне ногу лоскутом, оторванным от тюрбана. Потом принялся осматривать палки и листья в яме: обо что это я поранился? Я наблюдал за ним. Когда мусор был расчищен, мы оба с изумлением уставились на землю. Оказывается, я набрел на заброшенный колодец.

Скважину давно засыпали, так что смертельной угрозы она не представляла, но все равно пуштун, довольный своей находкой, целых два дня заливал колодец цементом.

– Шайтан у себя в аду обойдется сегодня без ужина! – приговаривал он.

И вот, наконец, настал великий день нашего представления. В кухне поставили ряд стульев. Хафиз Джан расчесал бороду, подрезал волоски в носу. Реквизит и реактивы были сложены в ящик – своеобразную лабораторию иллюзиониста. Мои родители и сестры, а также садовник, экономка и секретарь расселись по местам. Зрители терпеливо ждали начала представления.

Стоило Хафизи Джану хлопнуть огромными, будто кимвалы, ладонями, как у меня в голове раздался набатный звон. По счастью, я успел подготовить весь реквизит в последнюю минуту. Во время представления пуштун собирался жечь загадочную шероховатую серую кору. Он сказал, что это кора индийского чайтан-дерева – чертова дерева, – и что на востоке заклинатели часто ее жгут, чтобы произвести на зрителей впечатление. Есть мнение, что именно галлюциногенному эффекту этой коры обязан своим существованием легендарный индийский фокус с веревкой.

Для начала Хафиз Джан показал несколько фокусов, основанных на ловкости рук – он доставал предметы прямо из воздуха. Из «зрительного зала» вызвали садовника. Когда

пуштун пожал ему руку, у того исчезли часы, которые минутой позже были извлечены из кармана моей сестры. Я наблюдал за реакцией зрителей. Родители смотрели спокойно. Уже хорошо.

Следующим номером был горшок кипящего растительного масла – Хафиз Джан извлек его из печи и поставил передо мной. Не колеблясь ни секунды, я погрузил в горшок левую руку. Зрители затаили дыхание – купились на такую простую иллюзию. Перед тем, как ставить масло на огонь, в него добавляется лаймовый сок. Стоит его немного нагреть, он закипает, на поверхность поднимаются многочисленные пузыри, и создается впечатление, будто масло кипит.

Пока я оттирал руку от масла, Хафиз Джан достал из печи раскаленную кочергу и принялся ее облизывать. При соприкосновении металла с языком слышался характерный шипящий звук, сильно запахло паленой плотью. Перед тем, как показывать этот фокус Хафиз Джан прополоскал рот отваром ликвидамбра, который поглощает жар.

На родителей представление явно произвело сильное впечатление. Я гадал, насколько хватит их энтузиазма. Затем пришел черед «Кровавой битвы» и других безобидных иллюзий.

Следующий номер был по всем меркам испытанием суровым. Хафиз Джан извлек из воздуха самую обычную электрическую лампочку, обернул ее платком и раздавил правой ногой. Дал мне съесть банан, и сам тоже съел. Затем положил

на язык осколок стекла и принялся жевать. Я тоже положил зазубренный кусок стекла в рот и стал чавкать.

Отец глазам своим не верил: сына научили с наслаждением есть стекло. Его изумление быстро переросло в гнев, но он вовремя взял себя в руки, боясь обидеть гостя. Мелкие осколки стекла благополучно застряли в банане и позднее с легкостью вышли из организма. Хафиз Джан учил меня брать только прозрачные лампочки – в матовых содержится ядовитый оксид ртути.

Представление шло своим чередом. И тут Хафиз Джан решил, что пора переходить к гвоздю программы. Решение было смелым. Пуштун зажег толстую восковую свечу и установил ее перед нашей импровизированной сценой так, чтобы фитиль приходился как раз на уровне глаз зрителей. Затем достал из-за пазухи горстку пыли, пробормотал заклинание и швырнул порошок в пламя свечи. Прикрывая глаза концом тюрбана, Хафиз Джан вздрогнул от удовольствия, когда золотистый огненный шар устремился в сторону моих родственников и домочадцев.

Однако иллюзионист не рассчитал силу возгорания. Он привык поджигать камфарный порошок на улице. Зрители ошупывали свои опаленные волосы, терли почерневшие лица, а я лихорадочно соображал, что сказать. Похоже, лучшим выходом было молчание.

На следующее утро Хафиз Джан поднялся с рассветом. Я

слышал через дверь, как он беспокойно ходит на цыпочках. К семи утра он уже упаковал свои вещи в ящик. Отчасти опустошенные склянки он укутал в набитый конским волосом тюфяк. Они, будто прощаясь издавали булькающие звуки, пока ящик тащили вниз.

И снова створки входной двери открылись. Огромный пуштун поднял меня и невесело улыбнулся.

– Теперь, – проговорил он, – когда колодец – этот мерзкий туннель, ведущий в ад – надежно закрыт, мне пора. Я должен вернуться к мавзолею твоего предка, там мое место. Джан Фишан, – добавил он уже мягче, – будет ждать меня.

Пока Хафиз Джан, сын Мохаммеда ибн Макбула, собирался в обратный путь к маленькому городку на севере Индии, я дал себе клятву. Однажды – я еще не знал, когда именно, – я найду его и продолжу обучение чародейству.

Жонглеры змеями и липосакция

С того достопамятного дня, как неподражаемый Хафиз Джан метнул в моих близких огромный огненный шар, минуло уже почти двадцать лет. И хотя то наше с ним злополучное представление частенько виделось мне в кошмарных снах, интереса к фокусам оно у меня не отбило. Я повсюду готов был учуять ванильную нотку отвара ликвидамбра. Мысль о поедании стекла заставляла сердце биться чаще. В глубине души я все это время лелеял мечту стать иллюзионистом. Но для решительного шага мне не хватало лишь какого-то маленького импульса.

И вот однажды искра проремелькнула. Произошло это как-то поздно вечером в полутемной прокуренной квартире в западной части Лондона. В комнате было полно людей, считавших себя друзьями. Они болтали о своих престижных машинах, престижных работах и престижных планах на престижное будущее. Они жили в мире занавесок с рюшами, обоев в цветочек, мусса из спаржи и рубашек с французскими манжетами.

Мне же это было как-то чуждо. Мне до дрожи хотелось вновь ощутить ту легкость и непосредственность, которую во мне когда-то с такой силой пробудил своим волшебством Хафиз Джан. Я жаждал приключений, открытий и чудес. Мыс-

ли о спокойном, четко распланированном будущем вовсе меня не радовали.

И тут мои озабоченные престижем друзья обратились ко мне. Их интересовало, куплю ли я себе престижный дом, повешу ли туда занавески с рюшами и оклею ли стены обоями в цветочек. Ведь я же не стану выбиваться из рядов, да? Почему бы мне как-нибудь не начать играть в гольф или не научиться готовить мусс из спаржи? Да и пора бы обзавестись нормальными рубашками с французскими манжетами, так?

Потягивая портвейн, они ожидали моего ответа. Я задумался. Зачем мне все это мешанство? Вся эта их мишура – всего лишь иллюзия. Кроваво-красный портвейн плескался в бокалах подобно любимым реактивам Хафиза Джана. Иллюзия... Хафиз Джан... мысли лихорадочно забегали. А что, если бросить все и сбежать? Если бросить все и отправиться навстречу великим приключениям?

– Ну и живите со своими престижными тачками, шмотками и аккуратными домиками, – бросил я им в ответ. – А я уезжаю в Индию учиться на волшебника!

* * * *

В вестибюлях всех гостиниц индийской столицы царил атмосфера нетерпеливого ожидания. В город стекались толпы приезжих, и все они пребывали в состоянии какого-то бурного ажиотажа. Они бесцельно слонялись, здоровались

с давнишними знакомыми, смеялись, плакали, радостно общались. Интересно, что здесь вообще происходит? Зайдя в одну крупную гостиницу, я увидел внушительное бледно-желтое полотнище – оно висело между двумя люстрами подобно сохнувшему белью. Надпись на полотнище гласила: «ВСЕИНДИЙСКИЙ СЪЕЗД АСТРОЛОГОВ».

Мероприятие собрало предсказателей из самых отдаленных уголков страны. Теперь понятно, почему ни в одной гостинице по всему Нью-Дели не было свободных мест. Хироманты и астрологи стояли бок о бок с нумерологами и гадалками на картах Таро. Предсказатели с хрустальными шарами, физиогномисты и толкователи снов съехались сюда обменяться опытом, потравить байки да и просто себя показать.

Пробравшись сквозь толпу предсказателей с хрустальными шарами, картами и схемами чтения по руке, я встал у дороги в ожидании свободного авторикши. Толпы медиумов все прибывали и прибывали. Многие из них несли с собой френологические пособия и новомодные аппараты для предсказаний.

Во всех известных мне гостиницах астрологи позанимали все места. Ну и где же мне теперь ночевать? Тут меня осенило. Когда подъехал авторикша, я велел водителю скорее отвезти меня в гостиницу с самой дурной репутацией, где постоянно случаются несчастья. Я рассудил, что суеверные астрологи предпочтут держаться от такого места подальше.

Водитель не стал меня спрашивать. Он потер руки и взял курс на север – в Старый город.

Драндулет на полной скорости мчался по закоулкам Старого Дели, петляя, чтобы не сбить ненароком какого-нибудь торговца благовониями или не врезаться в священную корову. Мы проехали мимо великолепной соборной мечети Джама-Масджид и величественного Красного форта. Позади остался Чандни-Чоук – легендарный Серебряный рынок Шах-Джахана. Резкий поворот налево, и мы попали на Дариба-Калан – улицу Несравненной Жемчужины. Здесь повсюду стояли жаровни, а на них – полные раскаленного масла чаны, где, подобно экзотическим омарам, плавали джалеби.¹ Водитель что было сил вывернул руль вправо. Драндулет занесло, и мы резко остановились посреди базара Кинари.

Это был небольшой и довольно тихий рынок, где торгуют свадебными брошами, блесками и гирляндами из бумажных рупий. Вокруг прилавков царило праздничное оживление. На рынке было не протолкнуться от покупателей, и у всех у них лица буквально светились от счастья.

Я хлопнул водителя по плечу и спросил, неужели на такой праздничной улице стоит самая злополучная из гостиниц во всем Дели. Водитель плотнее завернулся в свой грубый плед и с серьезнейшим видом кивнул. Пригнувшись как можно ниже, он указал вверх.

¹ Джалеби – излюбленное индийское лакомство. Обжаренный в масле хворост из сладкого теста в форме спиралек – прим. автора.

С юга к рынку примыкала обшарпанная гостиница. На ржавой вывеске значилось неуместно оптимистичное название: отель «Блисс».² Стены гостиницы покрывала мерзкая зеленая слизь, окна были разбиты, а металлическая гофрированная крыша проржавела до дыр. Над зданием грозовой тучей как будто висело какое-то роковое проклятье, ощущение несчастья было почти физическим. Наверное, во времена эпидемий чумы двери именно таких домов отмечали кровавыми крестами. Впрочем, здесь двери отсутствовали напрочь. При виде этого жалкого пристанища я ощутил, как по спине пробежали мурашки. Водителю явно не терпелось поскорее уехать. Он быстро выгрузил из своего драндулета мои вещи. Я расплатился, дав водителю щедрые чаевые – он потрудился на славу.

Внутри здание оказалось ничуть не краше, чем снаружи. На первом, вернее, полуподвальном, этаже воды было выше колена – видимо, у них где-то труба лопнула. Я вброд добрался до заблеванной лестницы и, собрав все свое мужество, вскарабкался на четвертый этаж, куда перенесли стойку администратора. Черные от копоти стены носили явные следы пожара. Гнилые доски скользили и пружинили под ногами, как влажная глина; разлагающиеся трупы погибших в воде крыс нестерпимо воняли.

Менеджер сидел, развалившись на плетеном стуле, и ко-

² Bliss (англ.) – блаженство – прим. перев.

вырвался в зубах веточкой мелии.³ У него были темно-каштановые волосы, а лукавый взгляд не предвещал ничего хорошего. Я назвал свое имя и сказал, что весьма наслышан о безупречной репутации его гостиницы. Менеджер вогнал свою зубочистку в щель между передними зубами. Он запросто мог бы уличить меня во лжи, ведь мы оба знали, что у гостиницы нет вообще никакой репутации.

– Скажите, много ли среди ваших постояльцев астрологов? – спросил я как можно дружелюбнее.

– Никого здесь нет, – последовал ответ.

– У вас найдется свободный номер на несколько дней?

– Отчего бы ему не найтись.

Атмосфера в отеле и без того была гнетущей, а тут еще и потоп – неудивительно, что хозяева появлялись здесь редко. Если бы вместо меня во втором номере ночевал сумасшедший, одержимый идеей самоистязания, он бы тут же излечился. Посреди ночи уцелевшие во время потопа крысы выбрались в сырой коридор – слышно было, как они с хрустом поедают тараканов прямо у меня под дверью. Полчища клопов, населявших убогие одеяла, устроили себе настоящий пир – пришли полакомиться кровью иностранца.

Слова менеджера о том, что гостиница пуста, оказались

³ Мелия индийская (*Azadirachta indica*) – распространенное в Индии вечнозеленое дерево, эфирное масло которого находит широкое применение в медицине, а веточками часто чистят зубы – прим. перев.

неправдой. Из комнатухи напротив доносились стоны и всхлипы какого-то любителя героина. Я на цыпочках прокрался мимо двери несчастного, размышляя, уж не в логово ли наркоманов и маньяков я попал.

Если бы не радостная атмосфера базара Кинари, я бы тут же съехал из отеля «Блисс». Лишь на улице можно было отвлечься от кошмарной реальности номера два. Прилавки пестрели яркими товарами: тут громоздились охапки вишнево-красных пластмассовых флажков, груды кокосовых орехов и корзины с лепестками роз; а там продавали розовые воздушные шары в форме Ганеши – бога с головой слона. В курильницах дымились сандаловые ароматические палочки, отгоняя прочь мух. Роскошная парча, стеклянные браслеты, пакетики с порошком хны – мехенди, ткани с блестками – все это сверкало и переливалось в лучах яркого декабрьского солнца.

Выйдя на задворки шумного рынка Чандни-Чоук, рядом с которым находится больница Джайн Берд, я присел за столик уличного кафе – выпить чаю и понаблюдать за жизнью улицы. Официант подал мне стаканчик чай-и-сабс – зеленого чая с сахаром. Я медленно потягивал освежающий напиток и наблюдал за колоритной суетой Старого города. Велосипедисты и авторикши мчались в общем потоке подобно орлам в небе. А вон прошли несколько женщин с тяжелыми корзинами рыбы на головах. Слепой прокаженный с ребенком-поводырем просил милостыню. Приходили и уходили

уличные торговцы, на все лады превознося свой товар: шариковые ручки, полосатые кухонные полотенца, праздничные колпаки из гофрированной бумаги и связки пажитника.

Я заказал еще стаканчик чай-и-сабс. Тут к столикам подошла худосочная женщина-европейка средних лет с усталым, болезненным лицом. От зимней стужи ее защищала длинная лисья шуба, а поверх уложенных в сложную прическу обесцвеченных волос был повязан фирменный платок Gucci. Дама села за столик наискосок от меня. Интересно, что могло привести такую изысканную даму за столик дешевого уличного кафе из тех, куда люблю заходить я?

Не дожидаясь заказа, официант – он, по всей видимости, хорошо знал даму – поставил перед новой посетительницей стаканчик чая. Я сел прямо и постарался придать себе солидный вид. Не глядя на меня, дама заговорила:

– Я всегда прихожу сюда по пятницам, – у нее был сильный, незнакомый мне акцент. – Видите ли, мне очень нравится слушать мусульманский призыв к молитве. У нас в Москве такого нет. А мне очень нравится... слышите? Очень!

Она достала из сумочки пачку американских сигарет и закурила. Помахав рукой, чтобы разогнать дым, она рассказала мне, почему приехала в Индию.

У нее на родине, как я узнал, хирургов, да и частных клиник не хватает, так что приходится долго ждать очереди на пересадку печени. В Индии же, напротив, и хирургов хо-

роших много, и клиники элитные есть, но главное – долго ждать не приходится.

– В России непросто найти качественную свежую пе-е-чень, – невесело проговорила она, растягивая слова.

– Правда?

– Нежная сочная пе-е-чень – это восхитительно, – продолжила она, облизываясь, будто голодная борзая.

В надежде закрыть неприятную тему я вынужденно с ней согласился, мол, печень достается нам от природы, и мы совсем ее не бережем. Но русской даме хотелось выговориться. Она зажгла еще одну сигарету, глубоко затянулась, набирая полные легкие густого дыма, и выдохнула.

– Видите ли, – просипела она, – мы, русские, слишком много пьем. В этом вся проблема. Слишком много водки, и недостаток в печо-о-нках! – дама рассмеялась собственной шутке, и провела пальцем по кромке стакана, стирая след от губной помады.

– Я сейчас жду свою новую пе-е-чень, – она в волнении взглянула на часы. Слова были произнесены таким тоном, что я бы не удивился, увидев врача с контейнером из полистирола, на котором было бы написано «Свежая печень».

Мне подумалось, что ради этой женщины у какого-то бедолаги вырежут печень. В Индии торговля человеческими органами поставлена на поток. Как раз в то утро в газете «Хиндустани Таймс» напечатали довольно типичную историю. За несколько дней до свадьбы своей горячо любимой

сестры один юноша из Южной Индии покончил с собой. Рядом с телом обнаружили записку, в которой он просил продать его тело на органы, а вырученные деньги отдать сестре на приданое. Но даже если кому-нибудь и пришла бы в голову мысль пустить его органы на продажу, ничего бы не вышло: если органы сразу не поместить в холод, они уже через несколько часов после смерти становятся непригодными для пересадки.

В частных клиниках по всему Нью-Дели делают операции по пересадке глаза, печени, почки, сердца и легкого – эти клиники даже называют «рынком человеческих органов». На операцию в индийские клиники ложится все больше и больше иностранцев – их привлекают низкие цены и отсутствие очереди на подходящий орган. Они приезжают большими и изнуренными, а когда уезжают, то в прямом смысле слова увозят с собой частичку Индии.

Дама щелкнула замком сумочки, доставая серебристый тюбик сочно-алой помады Chanel, и отточенным движением накрасила губы. Мне при этом почему-то вспомнилась одна, якобы, правдивая история – скорее всего, конечно, байка.

Одна жительница Чикаго как-то приехала в Карачи – это в соседнем Пакистане. Дел у нее в городе особых не было, а после злоупотребления блюдами местной кухни она сочла себя располневшей и решила сесть на диету. И вот гуляет она по многолюдным улицам Карачи и видит вывеску, рекламирующую услуги местного пластического хирурга.

Ей еще больше захотелось избавиться от нескольких килограммов, так что она зашла в здание и обратилась к хирургу: сможет ли он убрать ей излишки жира – сделать липосакцию? Врач сначала немного замаялся, но потом пожал плечами, развел руками и сказал: «Почему бы и нет?»

Они условились об оплате – цена была довольно скромной, – и условились об операции прямо на следующий день.

Хирург сказал, что для такого рода операции необходима общая анестезия, и принялся за работу. Прошло несколько часов, пациентка начала приходить в себя после наркоза. К пальцам постепенно возвращалась чувствительность. Дама тут же принялась ощупывать свои обновленные постройневшие бедра. Удалось ли хирургу придать им именно ту форму, которую она хотела? И тут ее охватило беспокойство.

Ведь даже самый опытный хирург, – думала она, – после операции наложил бы пациенту на бедра повязку. Женщина попыталась было шепотом высказать свое беспокойство медсестре. И к своему невыразимому ужасу поняла, что случилось: у нее больше не было губ.

Хотя врачу трудно было понять, зачем женщина с такими красивыми губами хочет удалить их хирургическим путем – сделать лип⁴-о-сакцию, – он все же согласился провести операцию, стремясь угодить иностранной пациентке. Он, видимо, решил, что в Америке удаление губ – это последний писк моды. Пациентка чуть ума не лишилась. Она жаловалась, что

⁴ Lip (англ.) – губа – прим. перев.

без губ у нее десны сохнут, а в рот постоянно залетают насекомые. Так она и вернулась домой в Чикаго – лишенная даже жалкого подобия улыбки и терзаемая сильнейшей болью.

Я не стал рассказывать об этом русской даме, а просто пожелал ей удачи с подержанной индийской печеню и побрел обратно по Чандни-Чоук к отелю «Блисс».

* * * *

На следующий день, с утра пораньше – на базаре Кинари еще даже не началась торговля – я собрал вещи и выбрался из отеля. Уличные жители мылись у водонапорной колонки. Сильно пахло мылом и маслом для волос.

В переулке за ларьком, где продавали ЧТО?, к дневному представлению готовился морщинистый старик. Тощий и хромой, с катарактами на обоих глазах – он уже много лет ничего не видел – старик вытягивал перед собой руки. Пальцы у него были все скрюченные от артрита, а кожа на них потрескалась. Он приподнял крышку с каменного кувшина и извлек оттуда извивающийся клубок детенышей гадюк. Крошечные змейки свивались в кольца, всячески показывая свое неудовольствие. Укротитель выпил три кружки воды, и, запрокинув голову, стал широко раскрытым ртом глотать змей: одну за другой, будто зеленые полоски лакрицы.

Потерев незрячие глаза, старик почесал нос и закашлялся. Из рта у него при этом извергся клубок из пяти извиваю-

щихся змей, переплетенных, будто корни мангрового дерева.

Змейки вернулись к себе кувшин. Старик открыл вторую емкость – побольше – и извлек оттуда трех гремучих змей повзрослее. Прислонившись к низкой стене, слепой укротитель принялся жонглировать рептилиями. Полуметровые змеи беззвучно кружились в воздухе. Когда под воздействием силы притяжения они вот-вот должны были упасть на землю, старый укротитель хватал их за голову и вновь подбрасывал.

Никто вокруг не обращал на представление никакого внимания – каждый продолжал заниматься своим делом. Слепой Амджад, жонглировавший змеями на извилистых улочках Старого Дели, редко от кого удостоивался второго взгляда.

Завершив разминку, старик пробормотал, что научиться жонглировать змеями не так-то просто. Не один десяток лет уходит на тренировки. Новичков именно это и отпугивает – многие бросают занятия уже через несколько недель. Те же, у кого, как у Амджада, хватает терпения пройти обучение до конца, с неодобрением смотрят на жонглеров, которые отсасывают у змей яд. Так они постепенно привыкают с беспечностью относиться к змеям, – а это при их занятии недопустимо. Амджад в раздумье сплел пальцы. «Искусство жонглирования змеями, – мрачно признал он, – умирает».

Я двинулся от базара Кинари к Красному форту, ремни

двух чемоданов больно врезались в плечи. Ближе к полудню я сел в автобус на Газиабад – первый пересадочный пункт на пути к Хафизу Джану.

Автобус ехал на восток, и вскоре мы пересекли границу штата Уттар-Прадеш. У меня было время подумать о Хафизе Джане, вспомнить черное руно его бороды, орлиный нос и огромные ручки. Пуштун произвел на меня неизгладимое впечатление. Я даже не мог сказать, что поразило меня больше: его внешность, его одежда или его манеры. Прошло уже почти двадцать лет, и нам с ним снова предстояла встреча.

Когда дальние пригороды Дели остались позади, поток авторикш сошел на нет. Им на смену пришел встречный поток ярко-оранжевых грузовиков марки «Ashok Leyland». Эти машины бесперебойно обеспечивают приток товаров в столицу, везя сахарный тростник и хлопчатобумажную ткань, арбузы и живых кур.

Моим попутчиком оказался молодой человек с приглаженными волосами, заостренными, как у гончей, чертами лица и широко распахнутыми от любопытства желто-кариими глазами. Ботинки у него были до блеска начищены, на брюках – безупречно отутюженные стрелки.

Мы разговорились. Звали его Марути – так звучит одно из имен Ганеши, индуистского бога с головой слона. Марути недавно получил диплом махута – погонщика слонов – и теперь ехал в Газиабад на собеседование. Ему предлагали должность помощника погонщика в службе «такси» в Нью-

Дели. Городские богачи нанимали слонов для свадебных церемоний и прочих торжественных случаев, при этом слона, по желанию заказчика, могут раскрасить или обвешать религиозной символикой.

Марути без умолку рассказывал о своей учебе в лесу около Печчи, что неподалеку от Малабарского берега в штате Керала. На коленях у него лежал большой плотный конверт, а в нем – диплом.

– Там, в Керале, – с воодушевлением рассказывал Марути, – слонов очень любят. Махут из Печчи будет ухаживать за слонем тщательнее, чем за собственным первенцем. Понимаете, для махута слон – это одновременно и отец, и брат, и сын, и лучший друг. Если слона любить и уважать, он ответит еще большей любовью и уважением.

Марути выглянул в окно, но взгляд его привлекла вовсе не пробка, в которой застрял наш автобус, и не продавцы гуавы, что стояли вдоль дороги. Он видел лишь слонов.

– Когда погонщик сидит на слоне, он управляет ногами, – продолжил юноша. – Махут из Печчи никогда не будет отдавать слону приказы. Вам же не придет в голову приказывать своему лучшему другу? Не-ет... – со значением протянул он, – махут вежливо попросит слона идти вперед.

Поздней весной, когда с Малабарского берега дуют прохладные западные ветры, в городе Триссур, что в центральной части штата Керала, проходит праздник Пурам. В центральном парке города возле храма Вадаккуннатха – маида-

не – собирается многотысячная толпа. Из леса Печчи к величественному храму следует процессия из тридцати огромных слонов. Богато украшенные животные везут на спинах огромные статуи индуистских богов, а правят ими ученики школы махутов.

Все происходит ночью. Пышная процессия приближается к храму. Из рупоров доносится музыка, дети играют в свете луны, а темное небо расцвечено фейерверками.

– Пурам – это наш звездный час, – мечтательно сказал Марути. – Слоны тоже любят пышные торжества. Они идут к храму медленной торжественной походкой, и душа у них при этом поет.

Марути задался целью научить всех махутов хорошему отношению к своим подопечным. Ему было, что рассказать и о жестоких погонщиках.

– Некоторые махуты бьют своих слонов, подгоняют их уколами заостренной палки, – говорил он. – А если слон отказывается вставать, то могут и вовсе его не кормить. А самое печальное, что слон все равно будет любить хозяина, даже если тот плохо с ним обращается.

Мы все стояли в пробке. Интересно, надолго ли меня еще хватит слушать разговоры о слонах. С другой стороны, я и сам увлекался фокусами, поэтому понимал, что сильное увлечение – штука в общем-то неплохая. У каждого в жизни должно быть сильное увлечение. В надежде направить разговор в интересное мне русло я рассказал Марути, что еду в

Бурхану и скоро буду учиться на иллюзиониста.

Мой попутчик глядел сквозь грязное окно. Он сплел свои длинные тонкие пальцы и громко вздохнул. Но это был не вздох скуки – Марути не услышал ни единого слова из того, что я сказал. Это был вздох человека, по-настоящему влюбленного. Влюбленного в слонов. По всей видимости, навязчивая мысль о слонах очень глубоко проникла в его сознание. Рядом со мной сидел человек, вся жизнь которого была четко спланирована и подчинена одной-единственной цели.

Увлечшись, Марути пихнул меня локтем в бок. Ему было, о чем порассказать – оставалось только найти благодарного слушателя. А тут подвернулся я. Он поведал мне, что из всех животных только у слонов имеется четыре колена, что у них есть даже «отпечатки пальцев» – совсем как у людей, – что разные чувства они выражают разными звуками. В сущности, мы с ними так похожи.

Посвятив меня во все эти многочисленные подробности, он решил, что пришла пора затронуть и более важные темы.

– Не проходит и дня, чтобы в Ассаме безобидные дикие слоны не подвергались угрозе, – сказал он со скорбным видом. – Вот когда у меня будет много денег, я посвящу себя делу защиты слонов.

– И что же им грозит?

Долговязый юноша низко опустил голову, вмиг став похожим на стервятника, и поведал мне о заговоре.

– Ходят слухи, будто бы пьяные слоны сбиваются в боль-

шие стада, и с ними нет никакого сладу.

– Неужели они и вправду напиваются?

– Ну, как сказать... не секрет, что слоны – как и все млекопитающие – иногда не прочь выпить. Но они же не со зла. Люди ведь тоже плохо себя ведут, когда выпьют.

– Но откуда слоны берут спиртное? – мне представился прокуренный бар, где за столиками сидят одни слоны и потягивают портер из стаканов объемом литра эдак четыре с половиной.

– Они находят в лесу тайники с ворованным спиртным, ну и делают глоток-другой, – Марути шмыгнул носом. – Один неверный шаг, и все бутылки вдребезги, а их содержимое растекается повсюду. Слонам хочется пить, вот они все и выпивают. Они не виноваты, что при этом слегка теряют голову.

Уже потом в одной из индийских газет я наткнулся на статью под заголовком «ПЬЯНЫЕ СЛОНЫ ВПАДАЮТ В АМОК». Марути явно недооценил масштабы этого общенационального бедствия. В штате Ассам на пути стада в триста пятьдесят опьяневших слонов попала небольшая деревенька. Тринадцать человек затоптаны насмерть, неслыханные разрушения. В статье говорилось, что животные набредали на склад рисового пива одного ресторана под открытым небом, и что не проходит и недели, чтобы слоны-алкоголики не разгромили какое-нибудь поселение в северо-восточных районах страны.

Наконец наш автобус выбрался из пробки, и мы быстро добрались до Газибада. Автобус остановился на центральной площади. Марути прижал свой драгоценный конверт к груди и отправился на собеседование. Но перед тем, как совсем исчезнуть в колышущемся море людских голов, он обернулся, сложил правую ладонь чашечкой наподобие кончика слоновьего хобота и помахал мне на прощанье.

3

Земля воинов

Дребезжащий автобус катился к Мееруту. Беленые стволы пышно разросшихся вокруг дороги фикусов напоминали о временах британского владычества. Сложно было себе представить, что майским утром 1857 года недовольство подтолкнуло бенгальскую армию к восстанию. И еще сложнее было себе представить, что знаменитое восстание сипаев началось прямо здесь, в Мееруте.

Согласно историческим хроникам, толчком к восстанию послужила партия винтовок системы Ли-Энфилд, присланная для расквартированных в Мееруте индийских войск. Когда раздали патроны – а в те времена стандартной смазкой служил свиной и говяжий жир – солдаты не смогли сдержать негодование. Дело в том, что среди них было много индийцев – представителей высших каст, а также правоверных мусульман – и те, и другие сочли это оскорблением своих религиозных чувств.

К северу от Меерута автобус свернул влево и выехал на второстепенную дорогу. Еще тридцать миль на северо-запад в сторону города Карнала, и вот она – Бурхана.

Сойдя с автобуса, я решил не тратить времени даром и тут же углубился в лабиринт улочек, прокладывая путь к усы-

пальнице предка. В свое время Хафиз Джан описал мне город подробнее некуда. Правда, в своих рассказах он никакой системы не придерживался: просто говорил о том, что приходило на ум, без всякого порядка. Мне стоило немалых усилий составить из разрозненных кусков цельную картину и найти дорогу к усыпальнице моего славного предка.

Я пересек зеленую лужайку справа от главной улицы. За лужайкой в зарослях финиковых пальм виднелось окруженное стеной большое квадратное здание. Сквозь пышную растительность просматривались его очертания. Мавзолей Джана Фишана Хана оказался зданием из желтого камня, с изящным куполом и множеством арок – так строили во времена Великих Моголов.

Я медленно приближался к высоким кованым воротам. Они были открыты. И тут внезапный порыв ветра привел в движение листву финиковых пальм, среди которых тут и там виднелись мусульманские надгробия. Я осторожно ступал по плитам узкой дорожки, что вела ко входу в усыпальницу.

У порога на табурете сидел человек в шальвар-камизе цвета хаки, чаппалах – сандалиях из буйволового кожи – и тюрбане из черного хлопка. Такие знакомые черты лица: крючковатый орлиный нос, глубоко посаженные глаза, из ушей торчат клочки волос. Борода, в которой уже начинала пробиваться седина, стала еще длиннее. Я молча разглядывал кумира своего детства – несравненного Хафиза Джана.

Пуштун точил штык-нож о гладкий камень, стискивая зу-

бы, когда лезвие скрежетало от соприкосновения с точильным камнем. Он так увлекся, что не заметил меня. А я разглядывал его во все глаза, стараясь не шелохнуться.

Я не знал, что делать и что говорить, поэтому просто пошаркал ногой по цементной плитке дорожки. Звук перекрыл шелест пальмовых листьев и скрежет металла по камню. Хафиз Джан подскочил, схватил нож и выставил его перед собой на уровне груди. И лишь после этого посмотрел мне в лицо. Он широко раскрыл рот, будто ему не хватало воздуха. Лицо его лицо покрылось морщинами. Я назвал свое имя. Не сказав ни слова, он отбросил нож. В его черных глазах стояли слезы. Он подался вперед, двигаясь медленно, будто под водой. Потом он одним неуклюжим движением схватил меня и оторвал от земли.

Хафизу Джану понадобилось некоторое время, чтобы оправиться от потрясения. Мы сидели молча. Тишину нарушало лишь его довольное сопение. Я попросил прощения за то, что не известил его о своем приезде заранее, но хранитель могилы моего предка только отмахнулся.

– Это твой дом, – твердил он. – Зачем тебе предупреждать какого-то жалкого стража о том, что ты хочешь приехать? Добро пожаловать на эту землю, твою землю, Землю воинов. Добро пожаловать! Я столько лет ждал этого дня.

Я ответил, что и сам давно мечтал приехать к мавзолею своего прославленного предка.

Довольный Хафиз Джан принес легкие закуски и позна-

комил меня со своей женой и сыновьями. Но до того, как сесть за стол, мы должны были исполнить одну важную обязанность. Сняв чапалы, хранитель провел меня в величественную усыпальницу.

Едва ступив босыми ногами на холодные каменные плиты пола, я почувствовал мощный поток энергии. Свет проник в усыпальницу через решетчатые окна в стене напротив входа. Осмотревшись, я почувствовал, что все здесь дышит огромной мощью, мне даже думалось легче. Может, это дух Джана Фишана?

Пуштун указал на большой прямоугольный кенотаф, установленный в самом центре помещения – под ним и находился склеп. На мраморной плите была выбита надпись на персидском языке.

Хафиз Джан прочитал:

«Правитель, повелитель роскоши, благородный и
исполненный достоинств,
От чьего дыхания Пахман преисполнился гордостью;
Он был одним из сынов Али Мусы Разы,
Блистательное солнце, взошедшее после сияющей зари.
В Индию он прибыл из Кабула,
Ступив на мостовые Бурханы, он превратил город в
райский сад.
Когда же ему пришла пора вернуться на Небеса,
Он покинул эту юдоль смертных, не взяв с собою ничего.
И в день его кончины на чашу весов истины легли

Лишь слова: сейид Мохаммед Джан Фишан Хан».

На Бурхану опустились сумерки. Мы с Хафизом Джаном сидели на террасе его дома, предаваясь воспоминаниям. Его сыновья-подростки принесли нам угощение: гранатовый сок и кишмиш – смесь фруктов и орехов. Жена Хафиза Джана хлопотала на кухне – готовила роскошный праздничный ужин в честь моего приезда. Над крышами разносился голос муэдзина – вечерний призыв к молитве. Хафиз Джан потрепал старшего сына по щеке.

– Мухаммеду уже пятнадцать, – сказал он. Мальчик стоял не шелохнувшись. – Скажи-ка нам, Мухаммед, кем ты будешь, когда вырастешь?

– Я хочу стать хранителем могилы набоба⁵ Джана Фишана Хана, – последовал ответ.

Довольный тем, что сын станет продолжателем семейной традиции, Хафиз Джан запустил свои огромные пальцы в бороду.

Нас ждал грандиозный пир. На медных подносах внесли три огромных горы плова: с кусочками говядины, с курицей, с рыбой. Сыновья Хафиза Джана пригласили меня за стол. Их мать осталась на кухне. Мой гостеприимный хозяин разломил на кусочки наан⁶ размером с овечью шкуру и поло-

⁵ Набоб (наваб) – титул правителей в некоторых провинциях на востоке Индии – прим. автора.

⁶ Наан – пресная пшеничная лепешка; такие лепешки пекут в северных районах Индии, а также в Пакистане и Афганистане – прим. автора.

жил лепешку передо мной. Пуштун выбирал из плова самые большие куски мяса и передавал мне один за другим, будто золотые самородки. Хозяева дождались, пока я трижды вкушу от угощения, и лишь после этого сами приступили к еде.

– Будь благословен этот день! – постоянно приговаривал Хафиз Джан. – Любое страдание проходит, и лишь муки голода возвращаются. Ты оказываешь нам большую честь. Ешь! Ешь-ешь!

Я то и дело порывался спросить, возьмет ли этот великий иллюзионист меня в ученики, но приходилось сдерживаться. Время для таких вопросов придет, когда будет исполнен первый долг гостеприимства.

Изобильный пир подошел к концу, и Хафиз Джан неподражаемым жестом вытер пальцы о бороду. Он откинулся назад и еще раз возблагодарил Бога за мой приезд. Потом воздал хвалу Джану Фишану Хану – за то, что тот привел меня в Бурхану.

Я ответил, что приехал сюда не только из-за Джана Фишана Хана – еще я очень хотел повидаться с самим Хафизом Джаном.

Вот он, подходящий момент. Придав лицу серьезный вид – насколько это было возможно после такого обильного угощения – я спросил пуштуна, привлекают ли его по-прежнему волшебство и иллюзии?

Хафиз Джан несколько смутился.

– А, так ты о тех фокусах? – переспросил он, теребя себя

за ухо. – Глупости какие, правда?

– Как это глупости? Было же так здорово! Ты научил меня есть стекло, облизывать раскаленную кочергу, будто это леденец на палочке, а еще...

Пуштун резко меня оборвал:

– Чуть не угробил пра-пра-правнука Джана Фишана Хана огромным огненным шаром.

Мы оба помолчали, вспоминая ту ужасную минуту.

– Ты просто не рассчитал, – слабо возразил я.

– Этот просчет навлек бесчестье на весь мой род, – заявил Хафиз Джан. – С тех самых пор я поклялся никогда больше не показывать фокусы. А что, если бы с твоим отцом что-то случилось?

– Но, ага,⁷ – не унимался я. – Я ведь приехал в Бурхану, чтобы просить вас научить меня всему, что вы знаете о волшебстве и искусстве иллюзии. Пожалуйста, возьмите меня в ученики.

Пуштуну было явно не по себе от этого разговора. Он обхватил бороду и стал тереть ее между ладонями, пока она не превратилась в тонкий длинный жгут. И только после этого заговорил:

– Тахир Шах, ты оказываешь мне большую честь любой своей просьбой. Попроси меня о самой невыполнимой услуге, и я почту это за великую честь. Попроси меня о чем угодно.

⁷ Ага – уважительное обращение, заимствованное через персов у турок – прим. автора.

но – пусть это даже невозможно – и я возьмусь за дело. Но сейчас, сахиб, ты просишь меня нарушить торжественную клятву, которую я принес на могиле Джана Фишана Хана. С тех пор прошло уже почти двадцать лет. Я успел жениться, вырастил двоих сыновей. Я уже забыл – заставил себя забыть – все, что знал. Прости.

Мы немного помолчали. Я понимал Хафиза Джана и с уважением отнесся к его верности данному слову. Молчание становилось неловким. Неловкость проистекала не оттого, что я осуждал пуштуна, а оттого, что меня не отпускали эгоистические мысли: как быть дальше?

Пуштун еще раз возблагодарил Бога, приведшего меня в его дом, и шепнул младшему сыну, чтобы тот принес чаю. В попытках разговорить моего радушного хозяина я стал задавать ему вопросы о всяких пустяках. Но Хафиз Джан не отвечал. Он погрузился в глубокие размышления.

С кухни принесли ярко-красный фарфоровый чайник полный до краев чай-и-сабс. Чай разливали с такими церемониями, будто это какой-то волшебный эликсир. Лишь трижды отпив чай, Хафиз Джан, наконец, заговорил.

– Когда тебе было одиннадцать, – начал он торжественно, – я приехал к вам в Англию. Вместе мы сотворили не одну иллюзию, и я рассказывал тебе, как сам учился этому искусству.

Я кивнул, и губы мои сами собой сложились в улыбку. Убедившись, что я слежу за ходом его мысли, пуштун про-

должил:

– Так вот, Тахир Шах, в детстве я мечтал стать величайшим на свете фокусником. Только об этом и думал. Спал – и видел во сне фокусы, ел – и думал о фокусах, говорить мог только о фокусах. Отец даже боялся, не сошел ли я с ума – ведь у нас в роду никто ничем подобным не увлекался. Мне вызвали врача. Тот заглянул мне глубоко в глаза и, испугавшись, что у меня какая-то заразная болезнь, тут же умчался прочь. Родители еще больше заволновались. Они молили о божьем знамении.

Следующие несколько месяцев я потратил на то, чтобы найти себе учителя. И после упорных поисков встретил великолепного наставника в Газибаде. Он был непревзойденным иллюзионистом и фокусником. Говорили, будто равных ему нет во всей Азии. Я провел рядом с ним много времени и многому научился. Но, будучи старшим сыном в семье, знал: профессиональным фокусником мне не бывать.

Вторую чашку чая Хафиз Джан осушил залпом.

– Понимаешь?

– Понимаю.

Мысленно я уже готовился к возвращению в Европу. Но Хафиз Джан заговорил опять.

– Я кое-что придумал. Мысль, конечно, так себе, но вдруг из этого что-нибудь выйдет.

– Что за мысль?

– В те времена, когда я увлекался фокусами, – начал он в

задумчивости, – я знал, что главное – усердные занятия под руководством наставника.

Хафиз Джан запнулся в нерешительности, но все же продолжил.

– Мой учитель... он уехал из Газибада много лет назад. Кажется, сейчас он живет в Калькутте. Съезди к нему. Он научит тебя всем фокусам и иллюзиям, какие только есть на свете. Его зовут Хаким Феруз.

* * * *

В тот вечер на скромной кухне Хафиза Джана для нас был приготовлен еще один роскошный пир. Но сосредоточиться на еде я не мог. Все мои мысли занимало предложение пуштун. По мне, так лучше бы остаться в Бурхане, чем ехать неизвестно куда в погоне за призраками. Конечно, перспектива учебы у такого именитого волшебника меня привлекала, но что, если он откажется взять меня в ученики?

Раздумья не давали мне спать по ночам, а пиршества между тем становились все более и более изобильными. Каждую трапезу пуштун посвящал победе в очередной битве, где наши предки сражались бок о бок. На четвертый вечер блюда с пловом были уже такими тяжелыми, что сыновья Хафиза Джа-на едва могли их поднять. Под горами риса обнаруживались маринованные голуби – изысканное афганское лакомство. На пятый вечер подали целиком зажаренного на вер-

теле барашка. Ломтики нежнейшего мяса выкладывались на слой особым образом приготовленного риса – с шафраном, кардамоном и кедровыми орешками.

Прошла без малого неделя, а я по-прежнему не находил себе места от раздумий. Тем временем жена Хафиза Джана день и ночь хлопотала на кухне, она даже перетащила туда постель. Если так пойдет и дальше, Хафизу Джану всей жизни не хватит, чтобы расплатиться с долгами, да еще и потомкам придется платить по процентам. Надо было немедленно что-то предпринять. Я умолял своих радушных хозяев не готовить еду в таких диких количествах, но при моих попытках обсудить вопросы питания Хафиз Джан вскидывался, будто готовая к атаке королевская кобра.

– Разве вправе мы, простые смертные, не воздавать почести победам наших предков? – спрашивал он.

Я боялся, что Хафизу Джану придет в голову повторить легендарные мусульманские пиры своих бедуинских предков. Свадебные пиры, которые устраивают жители пустынь, по праву считаются самыми изобильными во всем мире. Сначала рыбу фаршируют вареными яйцами, потом этой рыбой набивают цельные тушки кур, а курами фаршируют жареного ягненка. Ягненок зашивается в брюхо жареной верблюдицы, и в таком виде блюдо подается на стол.

Не в силах больше выносить такого обжорства я уходил побродить вокруг усыпальницы Джана Фишана Хана. Неделя изобильных пиршеств осталась позади, и я, наконец, стал

всерьез задумываться о будущем путешествии. С каждым днем мысль разыскать учителя Хафиза Джана нравилась мне все больше. К тому же, еще одна неделя чревоугодия в Бурхане, и я так отъемся, что не смогу ходить. Я, конечно, боялся, что Феруз и разговаривать со мной не станет, но все же решил поехать в Калькутту.

Сидя на полюбившемся мне месте у входа в усыпальницу, я размышлял о том, что мне делать дальше. Тут подошел Хафиз Джан. Он был явно чем-то обеспокоен. Не успел я спросить, в чем дело, как он заговорил:

– Тахир Шах, – он часто обращался ко мне по имени и фамилии. – Я знаю, что ты много думаешь о моем предложении поехать к Хакиму Ферузу.

Я кивнул.

– К нему, конечно, стоит обратиться. Он потрясающий наставник. Лучшего не найти... Но берегись!

Пуштун выпучил глаза.

– Феруз – безжалостный учитель, – сказал он. – Если он возьмет тебя в ученики, то сломает – такая уж у него методика. Он требует от учеников, чтобы те работали, как проклятые... Ему нравится наблюдать, как они ломаются. Поэтому не ходи к нему, если не уверен в себе.

– А если мне договориться только о начальном курсе?

Хафиз Джан смертельно побледнел, глаза у него налились кровью, подбородок дрожал. Я ждал его совета. Пуштун воздел руки к небесам.

– Да ты с ума сошел! – взревел он. – Ты просто представить себе не можешь, о чем ты говоришь! Хаким Феруз – это тебе не какой-то там заурядный преподаватель. Учиться у него сможет не каждый. Одного мимолетного увлечения магией тут мало. Нужно по-настоящему сильно захотеть попасть к нему в ученики. Да и не учеба это вовсе, а... образ жизни, работа на износ, бесконечная череда упражнений под руководством отпетого садиста. И пока он терзает других, ты только и думаешь о том, как тебя угораздило сюда попасть. Большую часть времени он заставляет тебя изучать всякую ерунду. Пока ты у него в обучении, ты не научишься никакому «волшебству». Знаешь, по зрелом размышлении я решил, что тебе не стоит с ним связываться. Твоя жизнь слишком драгоценна.

– Послушай, уважаемый Хафиз Джан, – возразил я. – Мне не верится, что твой учитель – Хаким Феруз – может быть таким жестоким.

От бессилия пуштун обхватил ручищами голову и замычал. Я испугался, как бы при воспоминании об учителе он не впал в истерику.

– Молчи! – вопил он. – Молчи... ни слова больше, не смей даже произносить это имя вслух!

– Какое имя?

– Хакима Феруза, разумеется!

– Почему? Что плохого в том, что я произнесу его имя вслух?

Хафиз Джан разгладил бороду и огляделся по сторонам.

– У него повсюду шпионы – вот почему. Феруз знает, кто чем занимается. Я могу не знать, где он сейчас находится, но абсолютно уверен, что он осведомлен о мельчайших подробностях моей жизни.

– Но вы же с ним больше двадцати лет не общались.

– Неважно, – пуштун сплюнул. – Я же говорил – он не простой смертный. Он волшебник.

Послушать его, так Феруз был не учитель, а мучитель. Неужели он и впрямь настолько ужасен? Был только один способ проверить.

Хафиз Джан не оставлял попыток отговорить меня от этой «глупой затеи». Он всячески меня запугивал, в надежде, что я передумаю.

– Пообщайся с ним всего один день, и у тебя кровь застынет в жилах! – то и дело повторял он. Или: «Он будет безжалостно тебя критиковать... такая уж у него манера. Ему в радость, когда другие несчастны».

Чем больше пуштун уговаривал меня вернуться домой, тем больше мне хотелось поехать в Калькутту и встретиться с великим учителем, с Хакимом Ферузом.

Я и сам не заметил, как это случилось, но, в конце концов, Хафиз Джан сдался. Одним прекрасным утром – было уже довольно поздно, и солнце показалось над крышей усыпальницы Джана Фишана – он подошел ко мне. Я сидел на любимшем мне месте у порога и читал. Пуштун молча про-

тянул мне кулак. Когда он разжал пальцы, на ладони у него оказался потертый кожаный мешочек. Внутри был какой-то странный красноватый камень.

– Вот, – сказал он. – Когда-то мне дал его Феруз. Отдай камень ему, и он поймет, что это я тебя прислал.

– А что это?

– Безоар.

– Что-что?

Хафиз Джан рассматривал камень на свет.

– Он оберегает от ядов, служит талисманом и считается символом искателей знания. Говорят, этот безоар извлекли из зоба орла.

Я завязал шнурок от мешочка у себя на шее, и пуштун повел меня за ворота, туда, где был расстелен огромный афганский ковер. Нас ждал отнюдь не банальный пикник с бутербродами и салатом, а полноценный обед на свежем воздухе. Размах пиршества были поистине устрашающим.

Хафиз Джан запустил руки в гору риса и, поморщившись, – извлеченная из риса жареная птица была еще горячей – вручил ее мне. Кажется, это была дикая утка, чей полет на юг был оборван метким выстрелом из охотничьего ружья.

– Халифа Ашпаз! – провозгласил пуштун, вгрызаясь в тушку второй утки. – Халифа Ашпаз – великий гиндукушский повар. Это его рецепт!

Пир длился часа четыре – было съедено немало баранины, уток, кур и невероятное количество риса. Казалось, я наелся

на всю оставшуюся жизнь. К концу трапезы я едва мог двигаться. Хафиз Джан явно сошел с ума. Похоже, он собрался закормить меня до смерти и сам умереть от переедания. Я решил положить конец этому безумному обжорству и твердо заявил, что хватит с нас еды, а то кому-нибудь станет плохо.

Хафиз Джан уставился на меня в изумлении, меж бровей у него обозначилась глубокая складка. Но потом широко улыбнулся и, потирая руки, спросил:

– *Imshab chi pukhta bekunem*, – что бы нам такое приготовить на ужин?

4

Город Света

Одного упоминания о тряском экспрессе Фаракка, что идет на восток из Дели до Калькутты, достаточно, чтобы вогнать в дрожь даже самого искусственного путешественника. Впервые об этом поезде я услышал от одного искателя приключений, человека бывалого, когда мы остановились на ночлег посреди пустыни намибийского Берега Скелетов, и он порядком хлебнул местной огненной воды. С его слов, Фаракка – поезд-призрак, кишачий вампирами, душителеми-тагами и ворами. Вы смело можете садиться в этот поезд только при одном условии: если вам надоело жить.

На вокзале в Дели я протянул кассиру пачку рупий. Тот замялся. «Экспресс Ямуна или Фаракка?» – не глядя на меня, спросил он. Вопрос вполне безобидный, но название поезда подействовало на мое подсознание странным образом – я начал задыхаться.

Кассир повторил вопрос. Стоящий за мной в очереди мужчина поторапливал: «Джалди! – Давай же, быстрее!» В Индии всегда так: если вы стоите перед выбором, а времени нет, обязательно собирается толпа. Каждый высказывает свое мнение: «Фаракка – хороший поезд», – говорит один. «Нет-нет, слишком шумный», – тут же возражает другой.

«Купите лучше платок, сахиб» – предлагает третий.

Вслух попросив прощения у намибийского искателя приключений, я прошептал: «Фаракка, пожалуйста».

В тот же день я сел в вагон второго класса, предвкушая поездку в Калькутту на поиски Хакима Феруза. Под рубашкой у меня был спрятан мешочек с безоаром, а в багаже лежало рекомендательное письмо от Хафиза Джана – я надеялся, что со всем этим у меня неплохие шансы попасть в ученики.

Я оглядел купе. И с чего вокруг этого поезда поднимают такую шумиху? С виду все чисто и прилично. Вот глупые туристы, – думал я, – так им и надо. Раздавшийся снаружи стук вернул меня к действительности. Дверь купе отъехала в сторону, в проеме показался мальчишка – чистильщик обуви: глаза-бусины, одет в опрятную льняную рубаху. Окинув купе наметанным взглядом, он оценил обстановку.

– Вам ботинки почистить, сахиб?

– Нет, спасибо, вчера чистили.

– Так ведь уже запачкались, а я хорошо чищу.

Он помахал в воздухе грязной тряпкой – будто чистил ботинки. Я покачал головой, и мальчишка нырнул обратно в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Минут десять спустя – поезд должен был вот-вот отправиться – дверь снова открылась. В купе вошли хорошо одетые мужчина и женщина, и сели на свои места. На женщине было тонкое малиновое сари, какие носят на юге Индии,

на запястьях звенели многочисленные стеклянные браслеты, руки и ноги были покрыты ажурными мехенди – ритуальными узорами из хны. Форма и размер рисунка говорили о том, что женщина недавно вышла замуж. Рядом с ней уселся небритый сухопарый субъект – по всей видимости, муж.

– Вы молодожены? – прервал я молчание.

– Да, мы только вчера поженились, – ответила женщина.

– Вы бы следили за своими драгоценностями, – предупредил ее я, – а то про этот поезд чего только не болтают.

– Я же тебе говорила, – яростно зашипела женщина, – не надо было везти с собой мое приданое!

Не удержавшись, я стал пересказывать все нелюбимые истории, которые слышал об экспрессе Фаракка: о вампирах, о секте душителей-тагов и о изощренных ворах.

– А еще говорят, в экспрессе орудует одна шайка – они даже переодеваются для отвода глаз или прикидываются слепыми, чтобы им посочувствовали, – подвел я итог.

– Почему же вы тогда сами едете этим поездом? – спросила женщина.

– Признаться честно, я не слишком верю во всю эту ерунду. Посмотрите вокруг. Да безопаснее этого места и представить себе нельзя. Уж меня-то так просто не проведешь. Мне все эти фокусы известны!

В восемь вечера официант принес скромный вегетарианский ужин. После недели мясных пиршеств для меня он стал истинным наслаждением.

Пока я жевал овощи, молодожены нежно ворковали. Когда я доел, попутчица стала чистить сочный грейпфрут. Она предложила и мне дольку. Отличный десерт. Я с благодарностью принял угощение. Не успел я проглотить фрукт, как меня сморило, и я буквально-таки рухнул на полку. Пожелав милой паре доброй ночи, я провалился в глубокий, похожий на транс, сон.

Проснулся я незадолго до рассвета. Поезд остановился на каком-то полустанке пополнить запасы. Спросонья я принялся искать дорожный будильник. Я шарил повсюду, будто слепец, читающий по Брайлю. Часов нигде не было. Решив, что они упали, я заглянул под полку, куда поставил свой маленький чемодан. Часов на полу не было. Чемодана тоже. Я вскочил. Протирая глаза и разгоняя последние остатки сна, я позвал молодоженов – вдруг они тоже пали жертвой проклятия экспресса Фаракка?

Но мне никто не ответил. Молодожены исчезли.

И вот я уже сидел на полу, подтянув колени к подбородку и закрыв уши руками. Паспорт, почти все деньги и половина багажа исчезли. Я возблагодарил Бога за то, что мешочек с безоаром по-прежнему висел на шее, и рекомендательное письмо осталось при мне.

Экспресс Фаракка шел навстречу восходящему солнцу. Поданный завтрак я есть поостерегся. А когда в Аллахабаде ко мне в купе подсел новый пассажир, разговаривать с ним

тоже поостерегся. Отвернувшись к окну, я глядел на сельскохозяйственные угодья штата Уттар-Прадеш. Трудолюбивые крестьяне уже всю работу на полях – мне они напоминали рассыпанные по скатерти горошины перца. Одни вели зерно, другие плугами вспахивали охряно-красную почву, третьи с прямыми спинами несли на головах кувшины с водой или тащили домой похожие на огромных пауков вязанки хвороста.

Я бы так и смотрел на рисовые поля и крытые пальмовыми листьями домишки, но вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд нового попутчика. Повернувшись от окна, я тоже на него вытаращился. Его плотное коренастое тело венчала похожая на яйцо голова. На обветрившемся, похожем на мочалку из люфы лице особенно выделялись усы. Волосы у него были в пыли, а лохмотья свои он, скорее всего, позаимствовал у огородного пугала. Пахло от незнакомца как от куса вызревшего камамбера.

Я уставился ему в глаза, он в ответ смотрел на меня. Так мы буравили друг друга взглядами, будто состязались, кто кого загипнотизирует. Никто не сморгнул. У меня на глазах уже выступили слезы, но я не сдавался.

– Вас ограбили, да? – спросил мой попутчик, внезапно переводя взгляд за окно.

– Как вы догадались?

– Забыли, в каком поезде едете? Это же экспресс Фаракка. Вы разве не слышали, что о нем говорят?

– Все я об этом чертовом поезде знаю, спасибо.

– И как вас угораздило?

– Думаю, отравили.

– Фрукты или бенгальские сладости?

– Фрукты.

– Грейпфрут? Банан?

– Грейпфрут.

– Умно, – присвистнул он. – Вкус грейпфрута прекрасно

маскирует диазепам.

– Какой же я дурак! Сам ведь предупреждал эту парочку об опасностях. Вот они, наверное, со смеху давились.

Мой попутчик встал. Открыв дверь купе, он выглянул в коридор и внимательно осмотрел дверь снаружи.

– Перед отправлением поезда к вам чистильщик обуви заглядывал?

Я кивнул.

– Откуда вы знаете?

Он сунул мне под нос испачканный чем-то бурым указательный палец.

– Чистильщик обуви заодно с тем, кто угощает фруктами, – последовало объяснение. – Они работают вместе. Сначала по вагону проходит чистильщик обуви и высматривает подходящую добычу. Он увидел, что вы иностранец, и путешествуете один, поэтому оставил на двери метку кремом для обуви. А человек с отравленным грейпфрутом по этим меткам и ориентируется.

– Оригинально, ничего не скажешь, – вяло отозвался я.

– Гениально! – поправил меня мой попутчик. – Но в экспрессе Фаракка я ничего другого и не ожидал бы.

Следующие несколько часов этот усатый оборванец много чего порассказал. Оказалось, он частный сыщик – друзья зовут его Ватсон. Рассказни об экспрессе Фаракка он с легкостью развенчал, сведя все тайны к нескольким простейшим аферам.

– Задолго до того, как между Дели и Калькуттой пустили поезда, эта дорога кишела ворами, – говорил он. – Между этими двумя важнейшими городами находится священный город индуистов – Варанаси. И вот уже три тысячи лет, как сюда стекаются всякие мошенники. Ведь всем известно: паломники – люди простые и доверчивые, их легко обмануть.

– Неужели?

– Точно вам говорю, – отрезал Ватсон. – Да вот взять хотя бы вас. Вы ведь прекрасно знали об опасностях этого поезда, но бдительность утратили. Молодожены, – подумали вы, – какая прелесть. Вместо того, чтобы подумать: «Ага, молодожены, держи ухо востро, не подпускай их к себе!»

– И откуда мне знать, что вам доверять можно? – спросил я.

– Ниоткуда, – ответил Ватсон. – Вот видите, вы уже учитесь.

Я стал подсчитывать в уме последствия великого ограбления. Ничего утешительного.

Минут через десять сыщик прервал молчание:

– Ну надо же, грейпфрут! – покачал он головой. – И как вы могли на такое купиться?

– Я ожидал, что мошенники будут гораздо более подозрительными на вид, – огрызнулся я, озадаченный тем, что какой-то незнакомец вдруг ни с того ни с сего стал читать мне морали.

Впрочем, моя доверчивость не произвела особого впечатления на Ватсона. Казалось, ему невдомек, что меня сейчас нужно не ругать, а утешить.

– Вы ведь даже и не догадываетесь, на каких виртуозов мошенничества можно наткнуться в Индии, да? – спросил он напрямик.

Я покачал головой.

– Таги! – стал перечислять он. – Фансигары. Люди петли. Обманщики – вот они, предшественники современных мелких жуликов. Они заложили поистине великую традицию – жаль, сейчас измельчали, опустились до банальных краж.

– Но эту-то кражу они провернули с большой изобретательностью, – возразил я.

Сыщик меня не слушал.

– У секты душителей-тагов был культ ритуальных убийств в честь богини Кали, – заявил он. – Видите ли, для тагов убийство – это искусство. Они не видели в нем ничего зазорного.

– И сколько же народу они поубивали?

– Миллионы! – выкрикнул Ватсон, прищелкнув пальцами. – Миллионы, по самым скромным подсчетам. В те времена добираться из одного города в другой можно было месяцами, если не годами. И когда люди понимали, что кому-нибудь из их родных или близких давно бы уже пора вернуться домой – было уже поздно, и ничего нельзя было поделать.

– А что же тогда случилось со всеми тагами?

– Англикосы смекнули, что таги представляют для страны угрозу. Что никуда нельзя поехать. На дорогах опасно. Тогда появился человек по фамилии Слиман, который вызвался известить тагов. Даже жаль, право слово. Он выучился их тайному языку – рамаси, вызнал их правила.

– И что же это за правила?

– Во-первых, – Ватсон сделал страшные глаза, – никогда не оставляй живых свидетелей, всех души румаалом – по-особому завязанным платком. Во-вторых, всегда отрезай жертвам головы, чтобы их нельзя было опознать. Но самое важное – третье... готовы? Таги могли месяцами выслеживать намеченную жертву. Они высылали разведчиков, навроде чистильщика обуви, который нашел вас. Втирались в доверие к слугам, прикидываясь праведниками... Но все равно, не прошло и тридцати лет, как их окончательно извели. Ваши англикосы заставили их переключиться с завязывания платков в хитрые узлы на ковроткачество. Ковры у них выходят знатные.

Около полудня моя несчастливая поездка на экспрессе Фаракка подошла к концу. Уж очень меня не радовала перспектива провести еще одну ночь в этом поезде. Я твердо вознамерился сохранить при себе то небольшое, что еще уцелело, и сошел на станции Мугхал Сарай, откуда можно было добраться до Варанаси. Я решил, что сначала заявлю о краже паспорта и денег, а потом сяду на автобус до Калькутты.

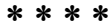
Ватсон сошел вместе со мной. Он сказал, что выполняет секретное задание по поручению одного из аллахабадских клиентов. Мы взяли на двоих такси – индийскую машину марки «Ambassador». Пока ветхий драндулет вез нас к самому священному из городов Индии, Ватсон делился со мной не предназначенными для чужих ушей подробностями расследования.

– Обычно мне попадаются гораздо более интересные дела, – стал жаловаться он под конец. – Однажды довелось расследовать убийство – вот это как раз по мне. А сейчас тоска сплошная. Чаще всего заказывают проверить, не прячет ли семья жениха каких-нибудь скелетов у себя в шкафу.

– А что, если прячет?

– Предъявлю эти скелеты, – сказал Ватсон, – и за девочкой дадут меньше приданого.

Мы еще не доехали до Варанаси – знаменитого Города Света – как частный сыщик прошептал, что ему пора входить в образ, и был таков.

Вот уже три тысячи лет, – а? может, и дольше – Варанаси считается центром индуизма. В город на западном берегу реки Ганг ежегодно приезжают миллионы паломников. Одни посвящают молитвам и омовениям в водах «матери Ганги» лишь несколько дней. Другие остаются до конца жизни. Они верят, что умерев в черте древнего города, границей которого считается Панч-Коси-роуд, они достигнут просветления. Их душа попадет прямо на Небеса и освободится из вечно-го круга перерождений. Каждый день на берегах Ганга тысячами кремируют праведных индуистов. Кремация проходит на специально отведенных для этого обряда гхатах – крутых каменных ступенях, что ведут к реке. На закате в жутковатой тишине пепел умерших развеивают над священными водами. Я брел по лабиринту узких улочек, где было полно садху, попрошайек, озорных детишек и водяных буйволов. Звякали монетки в руках нищих, глухо били в похоронные барабаны, кричали велорикши, прокладывая себе путь сквозь толпу. Ноздри щекотал запах лепешек-пури, которые жарили прямо на улице за переносными прилавками, а еще – куркумы, корицы и кориандра, а еще – навозных куличиков, что сушились в тени возле стен.

Повсюду виднелись символы: над потайными дверями – свастики, у миниатюрных алтарей – светильники, заправлен-

ные топленным коровьим маслом гхи. Густой дым от сандаловых благовоний висел в воздухе над грязными проулками будто грозовая туча.

Я потихоньку продвигался вперед. Здесь все, кроме меня, понимали символы, все знали, как себя вести. И хотя мне не дано было постичь глубинный смысл всего происходящего, я был ошеломлен. Индия – грандиозный театр жизни, а в Варанаси разыгрываются самые выдающиеся пьесы из его репертуара.

* * * *

Я направился к Дхоби-гхату, где, как я слышал, можно было найти жилье по сходной цене. После ночи, проведенной в экспрессе Фаракка, я не мог себе позволить дорогого жилья в Варанаси. Но в районе Дхоби-гхата гостиниц не было вообще. Слово «дхоби» в переводе означает «тот, кто стирает белье», то есть на этом гхате всего лишь стирают. Десятки мужчин месили белье, будто огромные комья дрожжевого теста. Они синхронно швыряли намыленное белье на каменные ступени гхата. В Варанаси проживает около пятидесяти тысяч браминов, и многие из них нанимают себе персональных дхоби – так они уверены, что их одежду не положат рядом с одеждой представителей низших каст.

Один из дхоби увидел, как я недоуменно озираюсь, и подошел ко мне. Лицо у него было плоским, как лопата, нос

приплюснутый, руки по локоть красные от постоянной работы в горячей воде. Я спросил, не знает ли он, где тут можно переночевать, и он повел меня в свое однокомнатное жилище.

Его темная мазанка формой и размерами походила на перевернутую плетеную рыбацью лодку. Внутри было не продохнуть от пара. Зайдя в домик, дхоби первым делом протиснулся к набитому конским волосом матрасу и довольно улыбнулся.

– Дас рупиа.

– Десять рупий, чтобы спать на этом?!

Я осмотрел гнилой, кишачий блохами матрас, что лежал рядом с баком, где кипятилась рубашка брамина. По сравнению с остальной обстановкой он выглядел еще прилично. Над баками с одеждой поднимался густой пар – от него здесь все прогнило. Плесень настолько глубоко въелась в стены, что мне даже показалось, будто на ней вся хижина и держится. Отскреби плесень от стен – и вся постройка развалится.

Жилище ужасное, как ни посмотри. Я стоял и думал: согласно Женевской конвенции, в нем нельзя даже военнопленных содержать. Дхоби терпеливо ждал ответа. В конце концов, я-то не военнопленный, – решил я. – Да и красть у меня к тому времени было нечего, так что тоже не страшно.

– Хорошо, – кивнул я хозяину-дхоби. – Я согласен, но прошу считать это актом добровольного умерщвления плоти – буду как Томас Бекет, который носил под одеждой киша-

направился в полицейский участок – заявлять о пропавшем паспорте и ограблении в поезде. Тут мне пришлось пройти через унижение: около тридцати офицеров всех званий собрались послушать очередную историю об экспрессе Фаракка.

Вечерело. Я брел через маленькие рыночки в сторону гхатов и реки.

Свернув с относительно широкой улицы в пустынный переулок, я набрел на небольшие мастерские. В тесных помещениях, сгорбившись за ткацкими станками, сидели женщины. Среди них несколько молоденьких – едва за двадцать – но в большинстве своем немощные старухи. Все они носили простые белые сари. Никаких украшений. Некоторые были обриты налысо. Я уже слышал об этих семи позабытых женщинах – вдовах Каши.⁸

В индуизме считается: вдовы находятся вне каст, нередко их называют колдуньями. Говорят, всякого, кто осмелится с ними заговорить, ждет великое несчастье. От них отказываются родные, отворачиваются даже самые близкие друзья, так что ежегодно они тысячами стекаются в Варанаси доживать свои дни. Лишь некоторые решаются наложить на себя руки – ведь самоубийство лишает надежды на достижение просветления.

Вы обязательно увидите их на людных улицах, на широких каменных гхатах – повсюду. Одни протягивают руку,

⁸ Каши – древнее название Варанаси – прим. перев.

прося подаяния, другие слишком горды, чтобы побираться. Те же немногие, кому удастся найти работу, обречены на тяжелый физический труд в нечеловеческих условиях за мизерную долю тех денег, что платят обычным работникам. Но мало того, многие подвергаются еще и оскорблениям, насилию со стороны недобросовестных работодателей.

За одним из ткацких станков скрючилась молодая женщина. Лицо у нее будто окаменело, подушечки пальцев окрашены хной, нос крупный, на подбородке полумесяц шрама. Не осмеливаясь поднять взгляд, она изо всех сил старалась не отстать от остальных ткачих. Звали ее Девика. В тринадцать лет Девику выдали замуж за человека на двадцать два года старше, так что овдовела она рано. Три года назад, после смерти мужа свекровь обозвала ее колдуньей и выставила из дома.

Как и все здешние вдовы, Девика, которой к тому времени было двадцать три, ожидала дня, когда Бог призовет ее в рай. Она знала: возможно, предстоит прожить в Варанаси не один десяток лет – в индийском обществе вдовы крайне редко выходят замуж повторно.

По иронии судьбы вдовы – относительно новое явление в Индии. До 1828 года, когда англичане объявили ритуал сати вне закона, вдовы оканчивали жизнь на погребальных кострах своих мужей. Отмена этого варварского обычая обернулась тем, что неприкаянные вдовы съезжались в Город Света. На берегах Ганга они начинали новое существование

в ожидании естественной смерти.

– Свекровь, – Девика, убедившись, что хозяйина мастерской нет поблизости, продолжила шепотом свой рассказ, – продала все мои вещи. Дала мне билет в вагон третьего класса до Варанаси и поклялась выколоть мне глаза, если я посмею вернуться.

Девика не отрывала взгляда карих глаз от пола, вспоминая эту сцену.

– Когда я сюда попала, то первое время чувствовала себя как прокаженная. Люди плевали мне вслед, выкрикивали оскорбления. Матери шептали детям: «Не подходи к ней, она заразная!» Я благодарю Бога за то, что он послал мне эту работу. Работа, конечно, тяжелая, но это работа. Я каждый вечер молюсь о скорой смерти.

Услышав мой глупый вопрос, не думает ли она о повторном замужестве, Девика невесело улыбнулась.

– Да как же мне опять замуж, – смутилась она. – Нет, это невозможно. Я ведь вдова.

* * * *

В Варанаси темнеет быстро. Похожий на шум примитивных печатных прессов стук ткацких станков, над которыми при свете свечей горбились вдовы, становился все тише и тише – улицы вновь оживали. Древняя магия Каши пробуждается на закате. Когда в лавках торговцев шелком и цирюль-

ников закрывают на ночь ставни, на улицах появляются бесконечно длинные процессии паломников. Босые, скрюченные, полуслепые, они спешат узкими тропками к многочисленным храмам – их здесь называют мандирами. Их нередко строят у самой границы воды.

Кое-кто несет на голове на специальных подушечках шипящие газовые светильники, и они освещают все вокруг призрачным голубоватым светом; в воздухе стоит резкий запах цветов могры, шаркают босые ноги, и звонят храмовые колокола. Здесь будто в несчетный раз играется спектакль по пьесе Шекспира – все на зубок знают, что должны говорить и что делать. Густая толпа, где смешались паломники, священники и священные коровы, вдруг расступается, пропуская похоронную процессию. Завернутое в шафранно-желтую ткань тело умершего несут на бамбуковых носилках к Джаласаину – гхату, отведенному для кремации.

Носильщики с потрясающей точностью вписываются со своей ношей в увешанную оранжевыми гирляндами рамку металлодетектора – совсем как в аэропорту. Это устройство изначально поставили здесь, чтобы не пропустить террористов к Золотому храму. Давным-давно не работающая рамка стала играть новую роль – религиозную. Спешащие попасть в Золотой храм паломники останавливаются и низко кланяются перед тем, как сквозь нее пройти – они, возможно, верят, что после этого на них снизойдет благодать.

На помосте возле самой воды горело десятка полтора по-

гребальных костров, искры мерцали в прохладном ночном воздухе. За кострами высились целые поленницы дров одинаковой длины – подходи и зажигай.

Смерть и последующее просветление – вот что занимает умы жителей Варанаси прежде всего. Но здесь, в отличие от всего остального мира, смерть – событие чудесное, радостное. Ничего общего с западными катафалками и гостями во фраках и дорогих туфлях. Ни скорбных лиц, ни гробов, ни могильных памятников, ни кладбищ, ни гадких черных вуалей. Смерть считают здесь переходом в иное существование, относятся к ней практично, по-будничному.

Тело несут дальше. Сопровождающие платят за меру дров. Когда погребальный костер готов, сверху укладывают тело усопшего. Подносят священный огонь. Потом остывший пепел соберут и развеют над водами Матери-Ганги.

Мне стало не по себе от царящей здесь обыденности. Я сел в лодку и направился домой, где меня ждала кишачая вшами постель дхоби. По размерам лодка была едва ли больше каноэ – такие обычно нанимают скорбящие родственники. На веслах сидел сгорбленный старик с завязанной двойным узлом длинной седой бородой. Мы рассекали гладь священных вод, на которой плясали огоньки спущенных на воду свечей. Я оглянулся. В ночи виднелись огни погребальных костров. Вздвигающиеся вверх волны огня, будто лесные пожары, не оставляли после себя ничего живого. От таких последних почестей захватывало дух.

Когда я попытался рассказать дхоби о своих похождениях возле гхата для кремации, тот в ответ лишь глупо улыбался, обнажая кривые зубы. Он вручил мне кружку темной мутной воды из Ганга – прополоскать рот. Потом взбил самодельную подушку – ворох грязной одежды, завернутый в простыню.

Устроившись на убогом ложе, я почувствовал себя чуть ли не святым. Приятное и совершенно новое для меня чувство. Теперь я понимал, почему Томас Бекет так дорожил своей власяницей. Мелькнула мысль: может, чаще надо подвергать себя таким вот наказаниям. Я закрыл глаза и представил мерцающие огни погребальных костров... У населявших матрас диких блох начинался пир.

В пять утра дхоби уже вовсю трудился – кипятил очередной бак с браминской одеждой. Я сел, завернувшись в простыню, как в тогу. За окном было еще темно. Керосиновая лампа освещала все вокруг тусклым неверным светом. Дхоби явно обрадовался, увидев, что я проснулся. Он вручил мне аккуратно сложенную стопку одежды. За ночь он каким-то образом ухитрился выстирать и отутюжить мою рубашку, брюки, носки и даже трусы. От одежды приятно пахло корицей. Я принялся его благодарить, но он лишь сморщил нос, дважды чихнул и схватил мою импровизированную подушку – белье еще предстояло выстирать.

Затем мой хозяин склонился над чугунным котлом и выудил оттуда носок. С превеликой осторожностью он явил на

свет его содержимое – три сваренные вкрутую яйца.

Темнота за окном постепенно рассеивалась, и в первых проблесках зари я разглядел группу женщин, направляющихся к реке. Босые, в простых белых сари, они неторопливо спускались к воде, будто не замечая утренней прохлады. Дойдя до укромного уголка на берегу, женщины принялись мыться в священных водах Ганга.

Закончив омовение, вдовы замерли в безмолвной молитве, протягивая руки к восходящему солнцу – наверное, молили Бога поскорее призвать их в рай.

* * * *

Уехать из Варанаси оказалось очень даже непросто. Миллионы индийцев готовы на все, лишь бы сюда попасть. Из Кашми уезжают только те, кого призывают неотложные дела. Не прожив в городе и дня, я почувствовал, что на меня накатывает апатия – во время долгих странствий иногда такое случается. Смелые планы поступить в ученики к великому чародею постепенно утрачивали свою привлекательность. Меня отравили, ограбили, я ютился в хижине дхоби. Что стало с моей мечтой освоить науку чародейства? Нет, ни в коем случае нельзя забывать о главном. Решено: на следующий же день я выезжаю в Калькутту.

Приняв такое решение, я направился к гхату Панчаганга – если уж не окунуться в воды Ганга, то хотя бы зайти по ко-

лено. Зная, что над рекой развеивают пепел несчетного количества умерших – я уже не говорю о том, что туда бросают обугленные трупы, – естественно ожидаешь, что вода будет грязной. Паломники и местные жители каждый день моются в Ганге. Они даже пьют из реки воду – считается, что она чище воды из высокогорных источников. Но почему же тогда при всей этой грязи люди не мрут, как мухи? Ученые нашли этому объяснение: они считают, что Ганг обладает способностью к самоочищению и восстановлению уровня кислорода в воде. Когда в пробирку с водой из Ганга поместили микробов-возбудителей холеры, они погибли через три часа. В пробирке с дистиллированной водой те же микробы прожили целых двадцать четыре часа. Моряки давно заметили, что вода из Ганга невероятно долго остается свежей. До недавнего времени отплывающие из Калькутты корабли брали на борт столько воды из Ганга, сколько могли увезти.

Когда в 1902 году махараджа Джайпура Савай Мадхо Сингх II отправлялся в Англию, он повелел изготовить два гигантских серебряных сосуда – они до сих пор считаются самыми большими изделиями из серебра в мире. Каждый сосуд вмещал почти две тысячи галлонов (около девяти тысяч литров). Наполнив оба сосуда священной водой, Махараджа велел взять их на борт.

У гхата Панчаганга я забрел по колено в воду в надежде смыть с себя хоть сколько-нибудь блох. Но вскоре чувство полнейшей радости обернулось ужасом: течение несло в мою

сторону обугленную человеческую руку. Только я немного успокоился, как кто-то постучал меня по плечу: укутанный с ног до головы тип протягивал мне бутылку с мутной водой, приговаривая с сильным акцентом:

– Сахиб, не бояться вода из Га-анга... хорошо для пить. Толко питнасть рупи.

– Нет, – отшатнулся я. – Отстаньте от меня. Я тут только что такое видел!

Я отвернулся, но снова почувствовал его руку у себя на плече.

На этот раз я обернулся, чтобы накричать на торговца, но тот открыл лицо, и я понял – никакой это не торговец, а тот самый частный сыщик по имени Ватсон. Он преобразился до неузнаваемости.

– Как вы узнали, что я здесь?

– Я же все-таки сыщик.

Ватсон велел мне обуться. По его словам, вот-вот должно было начаться необычное действие. Я еще не отошел от зрелища плывущей руки, и колени у меня подгибались.

– Так что случилось, Ватсон? – допытывался я, пока мы бежали по лабиринту узких улочек.

– Сами скоро все увидите.

– Вам удалось отыскать какой-нибудь скелет в семейной кладовке?

– Ну, не то, чтобы целый скелет, – улыбнулся мой провожатый, – так, череп, несколько косточек... пока еще не весь

скелет. На это мне понадобится чуть больше времени.

Мы вскарабкались в повозку к велорикше. Ватсон велел везти нас к Рани-гхату. По дороге он подробно рассказал о ходе своего расследования.

– Дела продвигаются неплохо, – начал он. – Месяца два уйдет на наблюдения. Мы тут не сидели сложа руки – кое-что проверили.

– Например?

– Да так, по мелочи, – сыщик напустил на себя скучающий вид. – Не липовый ли у жениха школьный аттестат, не встречается ли он с другими девушками, нет ли у него уродливых родинок, бородавок, наростов на гениталиях. Ну, сами знаете...

– Не уверен.

– Нам еще предстоит проверить, с кем его семья враждует, привлекался ли кто из них к суду, не скрывают ли они долги, наследственные болезни, нежелательных побочных братьев...

Оборвав себя на полуслове, Ватсон велел рикше остановиться и повел меня на пустырь за Рани-гхатом. Похоже, здесь недавно снесли какое-то здание. Кучка старьевщиков копалась среди кирпичей – вдруг да отыщется что-нибудь полезное.

В самом центре площадки в состоянии глубокой медитации сидел садху.⁹ Лицо у него было изможденным и осу-

⁹ Словом «садху» в индуизме и индийской культуре называют аскетов, святых

нущимся, возможно, он выглядел старше своих лет. Борода спутанная и уже порядком поседевшая, руки в цыпках, из одежды только лунги – набедренная повязка – и коралловые четки. У его правой ноги лежал человеческий череп.

Череп многое объяснял. Этот садху принадлежит секте Агхора. О представителях этой секты – агхори – я узнал в пору своего увлечения охотниками за головами из народности нагов. Их верования очень близки традиционному шаманизму. Говорят, что агхори дана власть над злыми духами. А еще, если верить традиции, они каннибалы. Некогда они во время обрядов пили человеческую кровь из чаш, сделанных из человеческих черепов. Но для агхори череп значит гораздо больше, чем простой сосуд для возлияний. В черепе живет дух умершего. И пока череп не сожгут, душа остается в плену у агхори. Вот такие джинны – духи – служат садху в мире теней.

Сыщик подтолкнул меня в сторону аскета.

– Зачем он тут сидит? Что сейчас будет?

– Просто смотри.

Садху сидел, скрестив ноги, и медитировал. Прошло несколько минут. Подошел какой-то человек, вырыл руками неглубокую ямку в земле и ушел. Мы продолжали наблю-

и йогинов, более не стремящихся к осуществлению трех целей жизни индуизма: камы (чувственных наслаждений), артхи (материального развития) и дхармы (долга) – прим. перев.

дать. Спустя еще какое-то время пришли сразу человек пятнадцать. Они окружили агхори. Кажется, они точно знали, что тут затевается. Садху вышел из транса. Поднялся на ноги. Обернул лицо старой рубашкой, опустил на четвереньки и сунул голову в вырытую ямку. Ямку засыпали песком, а садху так и остался стоять на коленях.

– Ватсон! Что здесь происходит?

– Садху погрузился в спячку, – ответил сыщик.

– Но зачем?

– А почему бы и нет?

– Человек в спячке... где-то я об этом уже слышал... так это же просто иллюзия! – крикнул я.

Ватсон сурово на меня посмотрел.

– Я знаю, что иллюзия, – прошептал он. – Кричать-то зачем?

Прошел час. Люди сосредоточенно созерцали стоящего на коленях мудреца. Прошел еще час. Мимо пробежала бродячая собака. Она попыталась стащить чашу-череп агори, но в нее запустили палкой, и она убежала.

Еще час ожидания. Я с ума сходил от скуки. И тут Ватсон повернулся ко мне.

– Вы обратили внимание на мелкий, сухой песок, каким засыпали яму?

– Обратил. Он разительно отличается от земли вокруг.

– Вот именно. Смотрите внимательно: видите, здесь везде глина. А в яму насыпали сухой песок. Садху может сквозь

него дышать.

Через четыре часа после погружения в спячку агхори вдруг вытащил голову из песка. Снял с лица тряпку и глотнул воды из черепа. Нас с Ватсоном это могло и не убедить, но остальные явно находились под сильным впечатлением.

На обратном пути я рассказал Ватсону о самом известном случае погружения человека в спячку, о котором когда-либо слышал.

В тридцатые годы девятнадцатого века пошла молва, что в далекой деревушке где-то в горах штата Джамму появился йог, который может надолго погружаться в спячку. Вскоре слухи о худом нелюдимом человеке с пронзительным взглядом по имени Харидас дошли и до махараджи Лахора.

Махараджа был большим скептиком. Он послал за Харидасом и потребовал, чтобы тот проделал свой фокус под наблюдением специалистов. Харидас согласился.

При дворе махараджи жило немало выдающихся английских врачей. Во время первого же осмотра один из них обратил внимание на то, что у Харидаса удалены некоторые мышцы вокруг языка, что позволяет ему беспрепятственно продвигать язык назад, перекрывая тем самым доступ воздуха в горло. За несколько дней до намеченного погребения Харидас начал принимать горячие ванны, погружаясь в воду до плеч, очищал кишечник и питался лишь молоком и простоквашей.

Накануне погребения он заглотнул полоску льняной тка-

ни длиной в тридцать ярдов. Чиновники и придворные с изумлением наблюдали, как Харидас извлекает материю из заднего прохода, окончательно опустошая пищеварительный тракт.

Наконец, Харидас сел в позу лотоса, заткнул ноздри и уши мягким воском, перекрыл доступ воздуха в горло, закрыв его языком, и сложил руки на груди.

Пульс не прощупывался. У врачей-европейцев не было объяснения этому феномену. Харидаса поместили в большой ящик, ящик заперли на висячий замок и опечатали личной печатью махараджи.

Затем ящик со всеми церемониями вынесли во дворцовый сад, где к тому времени уже вырыли большую яму. Ящик опустили в яму и засыпали землей. Но и этого показалось мало: землю над погребенным заживо садху засеяли ячменем, а вокруг возвели высокую ограду и выставили кругло-суточный караул из солдат дворцовой стражи.

Так прошло сорок дней. Обитатели дворца изнывали от любопытства. В конце концов, терпение у придворных кончилось, и махараджа отдал приказ снести ограду, скосить ячмень и раскопать яму. Ящик достали, замок открыли. И с опаской открыли крышку. Ко всеобщему удивлению, садху был жив и сидел в той же позе. Врач вытащил у него из ушей и носа восковые затычки, вытянул язык вперед и вдохнул воздух ему в легкие. Не прошло и часа, как йог полностью пришел в себя.

В награду Махараджа щедро одарил Харидаса бриллиантами. Жители Лахора узнавали его на улице, и вскоре за ним по пятам стали ходить толпы поклонников. После этого в городах по всей Индии стали проводить такие погребения заживо. Харидас прославился, свою простую одежду он сменил на роскошные наряды.

Его всячески привечали и угощали во дворцах знати. Вскоре он и сам позабыл о том, что родился в глухой горной деревушке. Но какое-то время спустя стали поступать жалобы, что садху, якобы, соблазнил многих дам из высшего общества, и терпение махараджи иссякло. Харидаса отправили обратно в родную деревушку, и о нем больше никто ничего не слышал.

Я спросил Ватсона, что он обо всем этом думает.

Он на мгновение задумался, а потом посмотрел мне в глаза и гаркнул:

– Чушь собачья!

Переждать проделки джиннов

Киплинг называл Великий колесный путь «рекой жизни, не имеющей себе равных во всем мире» – с этим трудно поспорить.

Ведет этот путь из Калькутты на запад, в сторону Гиндукуша. Его еще называют Джити – от сокращенного английского названия «GT». Дорога эта не для слабонервных. Видимо, у меня помутился рассудок, когда я решил добираться до Западной Бенгалии на автобусе. Мыслимое ли дело: обречь себя на тряску в дребезжащей колыхаге вместо того, чтобы плавно покачиваться в вагоне поезда? Только об этом я и думал, пока ископаемое транспортное средство, принадлежащее «Экспресс Бас Компани», пыталось развить крейсерскую скорость в девять миль в час.

На финишной прямой мы влились в совершенно безумный, плотный поток. Тут и запряженные волами доверху груженные сахарным тростником телеги, и автобусы с машущими из окон пассажирами, и грузовики марки «Ashok Leyland» с корзинами тухлой рыбы, и коровы – будто им некуда больше податься – и бензовозы, водители которых курили одну сигарету за другой, и такси, и рикши, и паровые катки, и дальнобойные фуры, даже бродячий цирк в полном составе: клоуны, слоны, акробаты-велосипедисты – эти мало

того, что сами на велосипедах, так еще и родственников на рамах везли, – а еще – пешеход на костылях, старавшийся не отставать от общего потока. В самом эпицентре этого все-ленского бедствия весь в черных клубах дизельного выхлопа стоял, пронзительно ревя клаксоном, наш автобус-экспресс.

Этот кошмар длился сорок часов кряду. Никто из пассажиров уже не мог нормально сидеть – все согнулись на своих местах, как при аварийной посадке самолета. Наконец автобус дотащился до Калькутты. Я бы ничуть не удивился, если бы нам устроили торжественную встречу с духовым оркестром, а комендант города вручил бы каждому, кто пережил эту поездку, медаль за доблесть. Но никто даже не заметил нашего приезда. Наше транспортное средство остановилось на стоянке возле набережной Хугли¹⁰. Перед тем, как толпа вынесла меня из автобуса, я похлопал водителя по спине на прощание. Вот у кого нервы железные. Мы ведь теперь все равно, что однополчане – вышли из сражения живыми. Взяв свои немногочисленные пожитки, я направился к выходу и услышал, мне вслед кто-то проронил: «Да уж, на Джити рехнуться можно, это точно».

* * * *

Удивительно, какая в Калькутте поголовная занятость. На

¹⁰ Один из рукавов Ганга – прим. перев.

Западе рабочих мест становится все меньше. Запад помешан на идее сокращения ради сокращения. Мы с пеной у рта доказываем: мощных компьютеров надо все больше, людей – все меньше. Но в погоне за новыми технологиями лишаем себя удовольствия видеть четко отлаженную человеческую систему в действии.

Осматривая городские укрепления в надежде наткнуться на Феруза, я диву давался, насколько все здесь при деле. Взять хотя бы центральный городской почтамт, построенный на месте печально известной Черной дыры.¹¹ Купол в лучших традициях эпохи Возрождения, коринфские колонны, местами – характерные для барокко украшения. Незабываемо. Но куда больше поражает сам принцип работы почтовой системы. Попробуйте купить простую марку – увидите этот великолепно отлаженный механизм в действии.

Первый служащий вызывает следующего в очереди посетителя; второй выслушивает заказ; третий заказ записывает; четвертый взвешивает на руке конверт; пятый выясняет, сколько будет стоить отправка конверта такого веса; шестой объясняет седьмому, какую марку выбрать из блока; восьмой отрывает марку; девятый мажет марку клеем; десятый приклеивает ее к конверту; одиннадцатый берет деньги; двенадцатый выписывает чек.

¹¹ Черная дыра – тесный карцер стоявшего на этом месте форта, в котором 20 июня 1756 года было заперто 146 пленников-англичан – в живых после этой кошмарной ночи осталось только 23 человека – прим. автора.

Система поразила меня до глубины души. Я вышел на улицу, поймал такси и велел экипажу машины отвезти меня в банк, куда мне должны были перечислить деньги. В Калькутте с каждым таксистом ездит напарник – он сидит рядом с водителем и общается с клиентами. Помимо всего прочего, помощник прокладывает маршрут, берет у пассажира деньги, развлекает его шуточками и следит за алтарем на приборной панели. Я уселся на заднее сиденье, вверив себя в руки профессионалов. Наше такси с грацией танка вклинилось в общий поток.

Машина петляла по узким улочкам, а я тем временем разглядывал сложнейшей работы алтарь. К этому шедевру приложил руку настоящий мастер. Центральной фигурой композиции являлась золоченая статуэтка Кали сантиметров тридцать высотой. С шеи богини свисали гирлянды миниатюрных черепов. Все ее шесть рук – в каждой по большому ножу – рубили воздух в ритме звучавшей в салоне музыки: диско 70-х. Раз в девять секунд изо рта черноликой богини извергался поток ярко-красной жидкости, стекавшей по туловищу к ногам. Жидкость переливалась в небольшой резервуар, откуда через некоторое время снова попадала в рот богини. Все это наводило на мысль об адских часах с кукушкой.

– Отличная штукавина. В нее, наверное, столько труда вложили, – озвучил я свою мысль. Водитель и его помощник трясли головами под песню «Night Fever» группы «Bee Gees».

Выдававший мне деньги банковский служащий сказал, что Феруза можно поискать в Калигхате – так называется храм Кали в Калькутте. Странновато, на мой взгляд, но, с другой стороны, я ведь совсем не знаю город. Так что к совету я прислушался.

На первый взгляд Калигхат – округлые купола, плотные очереди нищих, вдовы, обритые налысо паломники – ничем не выделяется среди других храмов Индии. Но здесь нет места празднику жизни – в Калигхате царит культ смерти. В храме все настолько тесно связано с Кали, что искать в нем Хакима Феруза было совершенно бесполезно.

Вообще-то, тем, кто не исповедует индуизм, вход в храм воспрещен. Но меня никто не остановил, так что я прошел через низкую дверь в главный двор. Первым делом на глаза мне попала женщина, привязывающая камни размером с кулак к отросткам волшебного кактуса. Говорят, это помогает от бесплодия.

Несмотря на дарующее жизнь растение, храм, будто неким пологом, накрывало ощущение разгула чего-то до отращения жуткого. От грозного взгляда Кали здесь ничто не могло укрыться. Натуралистичные изображения пьющей человеческую кровь богини с ожерельями из отрубленных голов – такое зрелище пробирает до мурашек. Голливуду еще ой как далеко до создания чего-либо подобного. Одержимая жаждой смерти Кали высунула язык. У нее десять рук, и в

каждой она держит по разящему мечу, а ее кровожадный взгляд приковывает врагов к месту.

Храм построен в 1809 году на месте гораздо более древнего святилища. В старинных индуистских хрониках говорится, что храм был построен на том самом месте, куда упал отрубленный палец ноги богини Сати.¹² Именно здесь души-тели-таги молились перед тем, как отправиться убивать ничего не подозревающих путешественников.

В одном из уголков двора был устроен загон, куда сочными листьями заманили зеленоглазую козочку. Доверчивое животное безмятежно жевало. Ослепленная жадностью, козочка сама пришла туда, где все было красным-красно от жертвенной крови. Впрочем, если бы она и попыталась убежать, шансов у нее не было. Жрец привычной рукой тут же отвернул ей голову в сторону востока и крепко зажал. Взмах огромного клинка – козочка и дернуться не успела, как была уже мертва.

А в загоне через двор два мясника разделявали другую тушу. У их ног громоздилась горка отрубленных козлиных голов – ни дать ни взять, залитые кровью башмаки.

В храме ежедневно совершается до двенадцати жертвоприношений богине Кали. Вплоть до девятнадцатого века

¹² По легенде, жена Шивы Сати бросилась на жертвенный костер. Шива выхватил ее из огня, но было уже поздно. Шива долго ходил с телом Сати на руках, пока Вишну и другие боги не решили излечить его от безумия, разрубив тело его жены. Там, куда падали частицы тела Сати, позже возникли места поклонения богам.

здесь в порядке вещей были и человеческие жертвоприношения. Перед тем, как убить животное, совершается обряд посвящения могущественной богине – при этом используют молоко, смешанное с водой из Ганга, где растворяют немного бханга – пасты из конопли. Перед жертвоприношением козу или другое животное моют и украшают цветами красного гибискуса. Потом берут ритуальный нож и шепчут в ухо животному свою просьбу. Душа жертвенного животного передаст просьбу напрямую Кали.

Что-то мне подсказывает, что банковский служащий прекрасно знал об ужасных кровавых обрядах в Калигхате, и специально направил меня туда. «Чудесно, – думал я, выбираясь из зловещего храма. – Видно, народ здесь веселый. Похоже, скучать не придется».

* * * *

Первые пять дней я только тем и занимался, что повсюду искал Феруза. Калькутта, конечно, большой город, но через неделю мне стало казаться, что тот, кого я ищу, просто не существует. Может, Хафиз Джан направил меня в Калькутту по ошибке? Или Феруз куда-нибудь переехал? И то и другое вполне возможно. Впрочем, что толку задаваться бесполезными вопросами.

Меня не покидало ощущение, что чем усерднее я ищу, тем меньше у меня шансов найти. Если верить традиции,

то джинны, проведав о моих настойчивых поисках, решили подшутить. Джинны вообще очень любят шутки. Вот они и скрыли от меня Феруза. Оставалось только ждать, пока какой-нибудь добрый дух не сжалится надо мной и не уберет завесу, скрывающую учителя. Пока же оставалось только заpastись терпением и пережить проделки джиннов.

Я поспешил убраться с пути трамвая, который с грохотом несся на меня, подобно груженной углем вагонетке, перешел дорогу и свернул влево – на знаменитую книжными развалами Колледж-стрит. Пожалуй, это самое большое в мире кладбище ненужных книг. Выгоревшие на солнце, неоднократно намокавшие под проливными муссонными дождями – эти книги определенно знавали лучшие времена. Ради любопытства я покопался немного среди высоченных стопок. Половина книг – по древним, бывшим в ходу еще на заре компьютерной эры языкам программирования. Другая половина – любовные романы. Я шел вдоль центрального прохода и вдруг наткнулся на прилавок с книгами издательства «Mills & Boon».¹³ Возле него толпились бизнесмены, школьницы, конторские служащие, таксисты, выискивая пикантное любовное чтиво.

Продавец ненадолго оторвал взгляд от рассыпающейся книги под названием «Случайная встреча» и предложил мне

¹³ Английское издательство специализирующееся на любовных романах – прим. перев.

заглянуть в его любимую кафешку. В путеводителях любят писать, что калькуттский Альберт-Холл – это местный аналог кафе на парижском Рив-Гош – левом берегу Сены. Красивые слова. Не исключено даже, что когда-то давным-давно они соответствовали действительности.

Кафе столиков на двадцать расположено на третьем этаже Альберт-Холла. И стены, и высокий потолок покрыты толстым слоем копоти. Под потолком величаво рассекают воздух выгнутые, похожие на ятаганы, лопасти старинных вентиляторов. В Альберт-Холле не собирались лучшие представители передовой общественности, чтобы обсудить насущные проблемы современности. Здесь не клубился густой серебристый дым сигарет «Галуаз». Кафе пустовало. Пустовало, если не считать одинокого пожилого горбуна в дальнем углу. Он раскладывал марки в альбом.

При виде этого трогательно одинокого старика у меня от жалости сжалось сердце. Я подсел к нему. У горбуна была абсолютно круглая голова, а одежду покрывал слой неповторимой калькуттской грязи. Восковой цвет его лица, казалось, отражает перламутрово-голубой цвет облупившегося пластика столешницы, над которой он склонился.

– Красивые марки, – сказал я с восхищением.

– Что? Что вы сказали? – переспросил горбун. Ну вот, кажется, он еще и на ухо туговат.

– Я говорю, марки у вас красивые. Такие яркие.

Мне хотелось немного подольститься к старику.

– Какие еще марки?

Разговор явно не клеился.

– Те, что у вас в альбоме... вот эти, например, такие яркие... бразильские, да?

– А! Так вы марки любите?

Чудесно, – подумал я, – похоже, он уловил суть беседы. Вот теперь-то разговоримся!

– Просто обожаю! А вы?

Выражение ангельской нежности на его лице тут же сменилось невероятным отвращением.

– Нет! – взревел он. – Терпеть не могу эти никудышные клочки бумаги.

– Зачем же тогда вы их собираете?

– Это не мое, – признался горбун, закуривая. – Это моего друга – он в туалет отошел.

Тут за столик вернулся высокий, грациозный, как тореадор, мужчина с зеленовато-карими глазами. Судя по чертам лица – явно пуштун. Волосы он напмадил бриллиантном с ароматом лавандового масла и зачесал назад. На чисто выбритом лице красовались аккуратно подстриженные усы. Поверх холщовой рубашки – терракотового цвета жилет с расстегнутой нижней пуговицей. Тонкие саржевые брюки и до блеска начищенные оксфордские туфли говорили о строгом воспитании, денег на которое не пожалели. Руки все в старческих пятнах, но с тщательно ухоженными ногтями и удаленными волосками – по ним я сделал вывод, что их обла-

дателю, должно быть, что-то около шестидесяти пяти. Нечасто встретишь настолько хорошо сохранившегося джентльмена. Но самое большое впечатление производила даже не его внешность, а то чувство уверенности, которое он излучал.

Он повернулся к своему приятелю и низким бархатным голосом медленно произнес:

– Как зовут твоего нового знакомого, Рублу?

– Понятия не имею, – проворчал горбун, не поднимая головы. – Он подошел марки посмотреть.

– Я просто не смог пройти мимо. У вас, сэр, потрясающая коллекция, – тут же сказал я.

– Благодарю вас, молодой человек. Я коллекционирую марки вот уже много лет. У меня собраны все индийские и большая часть английских за последние... – он ненадолго задумался, – за последние восемьдесят три года, кажется.

– Марки, марки... Ерунда какая! – протянул горбун.

– Не обращайтесь внимания на Рублу, он просто завидует. Видите ли, сам он ничем не увлекается. И никогда не увлекался.

Тут горбун макнул сигарету в чашку с кофе. Затем вылил похожую на патоку густую жидкость в блюдце и шумно отпил. Я с любопытством на него уставился.

– Зачем кидать в кофе пепел?

Горбун с презрением глянул на меня.

– А так горче, – с ненавистью буркнул он.

Да, похоже, мне еще многое предстоит узнать о принятых здесь правилах хорошего тона. Я решил не мешать горбуну наслаждаться едким напитком и повернулся к его спутнику.

Этот рафинированный джентльмен смотрелся несколько чужеродно в обшарпанном кафе Альберт-Холла. Он откинулся на спинку стула и принялся рассказывать об истории Калькутты, о ее роли в культурной жизни страны, о ее жителях и об уходящих в глубь веков ремесленных традициях. А я в ответ рассказал ему о своей неудачной поездке на экспрессе Фаракка. Джентльмену, судя по всему, уже доводилось слышать об этом проклятом поезде.

– Скажите, – подхватил он мою реплику, – что же привело вас в наш городок?

– Ну-у... – замялся я, не зная, с чего начать, – я тут приехал к одному человеку, но вот беда: никак не могу его найти.

– К кому же вы приехали?

– М-м... – промямлил я, – на самом деле, он известный иллюзионист.

– Иллюзионист? Правда?

– Да, я тоже очень этим увлекаюсь.

– Иллюзионист – это вроде Гудини и других фокусников в том же духе?

– Да, Гудини, и многих других.

– И как его зовут... ну, того, кого вы разыскиваете?

– Уверен, вы никогда о нем не слышали.

Он картинно откинул прядь со лба.

– А вдруг?

– Я разыскиваю человека по имени Феруз... Хаким Феруз.

Горбун молча поднял голову. Утонченный джентльмен задержал на мне внимательный взгляд.

– Так вы о нем слышали?

– По правде сказать, слышал. Но скажите, откуда вы узнали об этом иллюзионисте?

– У него учился друг нашей семьи.

– Которого зовут?..

У меня мелькнуло подозрение: с чего бы этому джентльмену так живо интересоваться подробностями моих поисков? Но я тут же ответил:

– Его зовут Хафиз Джан.

– А когда вы найдете этого Феруза, – продолжил расспросы мой собеседник, – как вы докажете, что не выдумали все это?

– У меня есть рекомендательное письмо и особый талисман.

Уж слишком легко выбалтывал я все первому встречному, но этот изысканно одетый джентльмен так располагал к откровенности.

– И как вы узнаете Феруза при встрече?

– Хм... – тут я не на шутку задумался. – Уж узнаю, ведь он непревзойденный мастер по части иллюзий. Он может по желанию заставляя предметы исчезать и появляться.

Я замолчал, собираясь глотнуть теплого чая с мятой из

поданного мне стакана. Но стакан исчез. Исчезли сахарница, молочник, пепельница, моя карта Калькутты, альбом с марками и даже небольшая, отдельно лежавшая кучка бразильских марок. Горбун опять шумно отхлебнул свой кофе. А его обходительный друг громко рассмеялся.

– Ну, здравствуй, – сказал он, все еще улыбаясь. – Я и есть Хаким Феруз.

6

Дети напрокат

– Как там поживает Хафиз Джан? – участливо поинтересовался Феруз. – Насколько мне известно, мальчишки растут здоровыми, а жена уже не так страдает от ишиаса.

– Да, все так и есть, но откуда вы узнали? Хафиз Джан говорил, вы не общаетесь уже много лет.

– Ну, как... – пробормотал Феруз. – Сами знаете. Прикладываю ухо к земле и...

Горбун вскинул бровь, глядя на своего приятеля.

– Хафиз Джан был одним из моих лучших учеников, – как ни в чем не бывало продолжил Феруз. – Разве он вам не рассказывал? Давайте-ка сюда письмо и талисман... наверняка он прислал с вами тот самый безоар.

Я вручил ему письмо и талисман. Феруз аккуратно вскрыл конверт. Прежде чем вчитаться в написанные корявым почерком моего друга-пуштуна строки, он поднес бумагу к носу и трижды вдохнул. Обнажив в улыбке острые зубы, он сжал талисман в кулаке и сделал еще один вдох. Поначалу я сомневался, что передо мной и вправду Феруз. Но сомнения тут же рассеялись, когда я увидел, как трепетно он относится к письму и талисману.

И хотя вероятность нашей случайной встречи с Ферузом была один к десяти миллионам, сам он ничуть не удивился.

Впрочем, такие совпадения не впечатлили бы и других индийцев, о которых пойдет речь на страницах этой книги.

– Итак, – наконец сказал учитель. – Чем могу служить?

От волнения у меня сердце забилося быстрее. Какой ответ я получу на свой единственный вопрос?

– Глубокоуважаемый Феруз, – я сглотнул подступивший к горлу комок, – я слышал, вы самый лучший из иллюзионистов современности. Сэр, я хотел бы у вас учиться... Господин Феруз... – тут я запнулся, – пожалуйста, возьмите меня в ученики.

Хаким Феруз, казалось, вовсе меня не слушал. Он наблюдал за тем, как официант закладывал виражи между столиками будто заправский фигурист. Потом он дважды вздохнул. Я терпеливо ждал ответа.

– Мне не хочется вас огорчать, – произнес он негромко, – но я с недавнего времени я удалился на покой. И больше не беру учеников.

– Но я проделал такой долгий путь, – воскликнул я в порыве эгоизма. – Меня отравили, ограбили, мне пришлось мыться в баке у дхоби, после переезда по Джити до сих пор все болит.

– Джити, – поежился горбун, – ужас какой.

– Ну, – ответил великий фокусник, – похоже, у вас и без меня было предостаточно приключений. Вынужден повторить: я удалился на покой и весьма этим доволен.

Продолжать уговоры было бесполезно. Сказать мне было нечего. Я только ругал себя за то, что так много времени угробил на эти поиски.

Я уже готов был мчаться прочь из Альберт-Холла со скоростью разобитой на всех и вся театральной примадонны, но что-то удержало меня.

– Можно просить вас об одном ничтожном одолжении? – спросил я.

– Конечно, – ответил Феруз, уставившись на меня своими зелеными, как бутылочное стекло, глазами.

– Дайте мне, пожалуйста, знать, если вдруг передумаете. Ради вашего давнишнего ученика Хафиза Джана.

Феруз улыбнулся. Он извлек из нагрудного кармана жилета старинную перьевую ручку, нацарапал пару слов на обратной стороне карты Калькутты и вручил ее мне.

– Приходите завтра ровно в полдень вот по этому адресу, – сказал он. – Если я вдруг передумаю, я вам сообщу.

* * * *

Разыскивая Феруза, я наткнулся на пансион в районе Парк-стрит – это в центральной части города. Большую часть постояльцев этого всеми позабытого, обшарпанного заведения составляли шотландцы. Они, в основном, сидели в холле, накачиваясь местным пивом. С их слов я узнал, что они приехали в Калькутту повидать своего кумира – легендарно-

го бенгальского кинорежиссера Сатьяджита Рея.

Из всей этой компании не пил только один. И вообще, он, в отличие от своих товарищей, вел себя очень сдержанно. Пока остальные нетвердой походкой бродили из угла в угол и предавались бурным возлияниям, он, выпрямившись, сидел у барной стойки – ни дать ни взять, попугай на жердочке. Лицо у него было бледным и вытянутым, нос острым, а в щетинистых бакенбардах пробивалась седина. Глаза за толстыми линзами очков в черной оправе казались неправдоподобно большими. Я поинтересовался, любит ли он бенгальское кино. Он ответил с сильным йоркширским акцентом, что жизни себе не представляет без бенгальских фильмов. Подавшись ко мне всем телом, он сказал, что его зовут Хорас, и что он с ума сходит по Калькутте.

Раньше он работал учителем в школе, а потом вышел на пенсию и стал организовывать дешевые поездки в Калькутту для любителей бенгальского кино. А на вырученные деньги приезжал сюда и сам. Удивительно, но недостатка в клиентах не было. Хорас много лет изучал историю Калькутты, но сейчас его куда больше интересовало настоящее. Бывший учитель из Шотландии побывал здесь уже раз двадцать и научился очень тонко чувствовать этот город, который производит на многих иностранцев отталкивающее впечатление.

– Калькутту невозможно описать словами! – заговорил он, откашлявшись. – И вовсе не потому, что город так уж отвратителен. Наоборот! Здесь можно наблюдать жизнь во всех

ее проявлениях. Западные туристы видят одну лишь грязь, и закрывают глаза на остальное. А посмотреть тут есть на что. Если обращать внимание только на калек, попрошаек и ветхие дома, так и не увидишь, скажем, до чего находчивы местные жители.

– Находчивы?

– Чтобы понять Калькутту, нужно настроиться на восточный образ мысли, – сказал Хорас, смотря на меня поверх черной оправы сползших на нос очков. – Соберите полную комнату бенгальцев и попросите их отрешиться от городских будней – и у них получится, им по силам постичь самую суть.

– А иностранцы? – спросил я.

– Калькутта оказывает на них странное воздействие, – ответил учитель, нервно оглядывая группу шумных шотландцев. – По большей части, выбивает их из колеи.

– Чем именно?

– Всем... но чаще – домами. Иностранцам становится не по себе при виде развалин на месте некогда великолепных памятников архитектуры. Вам еще не случалось видеть, как прямо посреди улицы туристы с досады рвут на себе волосы?

Я покачал головой. Но Хорас не обратил внимания. Ему не терпелось продолжить.

– Калькутта ушла дальше, – рассуждал он. – Пусть фасады обваливаются, улицы все в колдобинах, а чтобы проехать в безумной толчее автобусов и машин, нужно быть самоубий-

цей. Здесь в три дня может внезапно стать темно, как ночью. Но это и есть Калькутта, настоящая, без прикрас.

Я смотрел на вход в пансион, не веря своим ушам. Тут учитель-шотландец хлопнул в ладоши, привлекая мое внимание.

– Мы, британцы, души не чаем в городе, которого, по сути, никогда не было, – сказал он. – Мы воздвигли памятники своим героям, побелили все, что только можно, нам прислуживали ливрейные лакеи, мы радовались, живя в просторных домах на берегах Хугли. Мы научили всех говорить по-английски, заставили признать власть наших монархов – и все это в отчаянной попытке построить Кенсингтонский дворец в Западной Бенгалии. Но стоило нам оставить ставшую независимой Индию, и настоящая Калькутта начала прорастать сквозь искусственно наведенный лоск.

Хорас глубоко вздохнул. Я чувствовал, что он приближается к кульминации своего рассказа.

– Полвека спустя, – важно произнес он, – истинная суть все еще просачивается наружу. С каждым днем Калькутта становится все более уютной, обжитой, любимой. Стоит пожить тут какое-то время, и то, что поначалу казалось абсолютным хаосом, приобретает вполне упорядоченный вид. Калькутта развивается особым образом. Здесь находится место и для проявлений гуманизма: слабые и обездоленные не остаются без помощи. Освободите ум, раздвиньте границы восприятия. Оглянитесь – так оно и есть, повсюду.

Проходя мимо кафе «Флури'с» – пик его популярности приходился на 1922 год, – я задумался над наблюдениями учителя-шотландца. И как это он ухитрился разглядеть стройный порядок там, где я видел лишь разношерстную толпу? Надеюсь, однажды я тоже проникну в тайны города. Пока же как я ни пытался усмотреть хоть какую-то упорядоченность на Парк-стрит, улица виделась мне сплошным водоворотом из машин и нищих.

Впрочем, вскоре я заметил, как напротив «Флури'с» приличный с виду господин остановился и заговорил с попрошайкой. По всей видимости, они хорошо друг друга знали. Делать мне все равно было нечего, так что я подошел и встрял в разговор. Калькутта – единственный из известных мне городов мира, где можно запросто остановить первого встречного и перекинуться с ним парой слов.

Из-под синего пиджака господина виднелись кожаные подтяжки, из нагрудного кармана торчал уголок шелкового носового платка. Лицо у него было смуглое, уши крупные, а волосы так блестели, что наводили на мысль о театральном гриме. Я задал ему вопрос о калькуттских тайнах, и он – точно так же, как Хорас – с радостью поделился со мной своими знаниями.

Здесь его знали как Нондана – в Бенгалии клички есть у

всех, – он зарабатывал себе на жизнь тем, что помогал нищим в центре Калькутты.

– Улица – это окно, через которое можно заглянуть в миллионы жизней, – речь его отличалась цветистостью. – Нищие – это ведь часть нашего общества. Их не нужно избегать, наоборот, им надо всемерно помогать. Кто знает, что ждет нас самих через неделю, через месяц? Может статься, и вам придется просить подаяние.

Мы вместе с Нонданом шли по Парк-стрит. Нищие были повсюду: сидели возле роскошных магазинов и дорогих ресторанов, пробегали перед решетками радиаторов черно-желтых такси марки «Ambassador», копались в глубоких сточных канавах.

– Вы не задумывались, почему другие нищие не приходят сюда побираться? – спросил Нондан, останавливаясь возле «Мулен-Руж» – калькуттской версии знаменитого парижского кабаре. – Любой нищий почтет за счастье оказаться на Парк-стрит. Но обратите внимание: бездомные тут соблюдают определенный порядок.

– Да ладно! Они просто бродят туда-сюда.

– А вот и нет, – уверенно возразил Нондан. – Обратите внимание, скажем, вон на ту женщину... – он указал на старуху, что накинула на голову полу сиреневого сари. – Она, как и все остальные, не выходит за пределы территории, которую арендует.

– То есть как это арендует?

– А вот так – отдает половину выручки Дадасам.

– Кто такие Дадасы?

– Большие Братья – они тут все держат.

– Мафия?

– Ну, – замялся Нондан, – можно и так сказать. Они со всех нищих в округе берут мзду. А кто не платит, тех бьют.

– Наверяд ли Дадасы этим много зарабатывают, – сказал я. – Неужели они не могли себе найти занятия поприбыльней?

Нондан закатил глаза.

– Наверяд ли много этим зарабатывают?! – возмутился он. – Да вы с ума сошли! Калькуттские нищие – это же многомиллионный бизнес.

– Глупости какие...

– Посудите сами, – стал убеждать меня Нондан, – в Калькутте не менее восьмидесяти тысяч нищих, которые целыми днями без перерывов на обед и выходных просят милостыню. Скажем, один нищий зарабатывает в среднем по двенадцать рупий в день... – Нондан считал на пальцах, – получается... около трехсот пятидесяти миллионов рупий... то есть, – он на мгновение задумался, – порядка десяти миллионов американских долларов в год на всех. И это только в Калькутте – а ведь нищих много во всей стране.

Я попытался проверить его подсчеты в уме, но тут Нондан выдал предупреждение:

– Имейте в виду, в Калькутте никогда не стоит недооце-

нивать то, что на первый взгляд кажется простым.

– То есть?

– Ну, хорошо, – сказал Нондан, оглядывая Парк-стрит, – посмотрите вон на ту женщину. Видите?

– Женщина как женщина, ребенок у нее на руках кричит.

– Сколько, по-вашему, ей лет?

– Около пятидесяти. Это, наверное, ее внук...

– А вот и нет! – воскликнул Нондан.

– Ну, тогда это ребенок ее подруги.

– Опять не угадали! Помните, в Калькутте все не так просто. Я знаю эту женщину. Ребенка она берет напрокат.

– Не может быть!

Нондан смерил меня суровым взглядом и резким тоном сказал:

– Друг мой, очнитесь, это же Калькутта! Здесь все далеко не так просто. Собственные дети у этой женщины давно выросли. Она уже много лет кормится в этой части города. И знает: люди охотнее подадут, если ты хромаешь или у тебя на руках маленький ребенок. Вот она и берет ребенка напрокат. Всего за три рупии в день. Причем, сам ребенок нисколько не страдает.

Такая сделка, по всей видимости, была выгодна обеим сторонам.

– На Западе, – сказал я, – все наоборот: родители приплачивают за то, чтобы с детьми посидели.

Нондан покачал головой, словно осуждая примитивную

систему.

– Но ведь женщине надо кормить малыша, так?

– Вот еще! Конечно, нет, – Нондан начал терять терпение от моей несообразительности. – Ребенок должен плакать, иначе милостыню не подадут. А лучший способ заставить ребенка плакать – не кормить его.

Следовало признать: несмотря на изрядную бесчеловечность, придумано было ловко.

Нондан прекрасно ориентировался в тайнах калькуттских улиц. Он очень интересно рассказывал, но одна загадка никак не давала мне покоя.

– Можно один последний вопрос?

– Что такое? – спросил Нондан, здороваясь с уличными мальчишками.

– Где нищие берут детей напрокат?

Нондан посмотрел на меня как на слабоумного.

– У беби-дилеров, разумеется! – для него самого это было ясно как день.

* * * *

Ночью мне все ноги искусаили блохи. Такое чувство, будто это и не блохи вовсе, а гиены, пришедшие поживиться падалью. Не в силах дольше оставаться в пансионе, я встал ни свет ни заря и отправился бродить по спящему городу.

Для начала я исследовал лабиринты нового рынка. Солн-

це еще только-только показалось из-за горизонта, а здесь уже было не продохнуть от запахов еды, которую готовили тут же в ларьках. Пучхаваллы, торговцы съестным, уже вовсю хлопотали над жаровнями. Им будет что предложить покупателям, которые вот-вот появятся.

Всегда оживленная Чауринги-роуд, которая огибает район Майдана с востока, в этот час была почти пустой. Такую выразительную картину можно увидеть разве что на гравюрах XVIII века: рядом с немногочисленными местными жителями великолепные постройки времен британского колониализма выглядели особенно величественными.

И правда, с тех времен будто бы ничего не изменилось. Босоногий бихарец-рикша тянет за собой повозку. Ухоженный золотистый лабрадор натянул поводок – вот-вот вырвется из рук лакея. Бхиштивалла – так здесь называют водоносов – остановился у колонки и наполняет водой бурдюк из козьей шкуры. Но стоит приглядеться, как понимаешь: англичан здесь давно уже нет.

Фасад павильона в классическом стиле весь оклеен рекламой отбеливающего крема для лица. Коринфские колонны местами раскрошились, после кислотных дождей стены пестреют пятнами глины и оборванными плакатами с изображениями Маркса и Ленина, безголовые гранитные львы по обеим сторонам от входа представляют собой довольно плачевное зрелище. У меня защемило в груди при виде запустения, в которое пришли эти величественные здания. Но, как

сказал Хорас, Калькутта живет своей жизнью. И все в городе подчинено одной цели – выживанию. Что за польза простому офисному служащему или рикше от павильона размером с Букингемский дворец? Роскошные дворцы и особняки эпохи британского владычества теперь напоминают сброшенную змеиную кожу. Пустая оболочка служит лишь напоминанием об уползшей змее.

* * * *

В половине двенадцатого я сел в повозку к рикше. Калькутта – один из немногих городов мира, где сохранились традиционные рикши, которые тянут тележки вручную. Этот вид транспорта появился здесь в начале двадцатого века, с приходом китайцев. В те времена повозка рикши считалась куда более гуманным видом транспорта, нежели паланкин – закрытые носилки, которые переносили на шестах носильщики. Впрочем, власти Калькутты считают, что рикши создают городу дурную славу, так что стараются всячески их выжить. Конечно, они руководствуются идеями гуманизма, вот только забывают о том, что свыше тридцати тысяч человек останутся без работы.

– С Рождеством вас, сахиб, – сказал рикша.

Я взглянул на часы с календарем. А ведь и правда, сегодня Рождество. Я возблагодарил Бога за то, что оказался среди индуистов – терпеть не могу Рождество.

Я прочитал написанный Ферузом адрес.

– А-а-а, джадувалла, – улыбнулся рикша, – хотите в дом к волшебник?

Я несколько удивился, что рикша слышал о Ферузе и вообще говорит по-английски.

– Откуда вы его знаете?

– О, джадуваллу все знать!

– Господина Феруза?

– Да, господина волшебника!

Позже я узнал: хотя Хакима Феруза мало кто знал по имени, многим рикшам он был известен как джадувалла – волшебник.

От узкого в кости, поджарого рикши несло самогонкой чхуллу. Ноги у него были тонкие как стебли подсолнуха, руки мускулистые, спина блестела на солнце как только что вышедший из-под прокатного стана лист меди. Несмотря на некоторое подпитие, он прокладывал дорогу с молчаливой сосредоточенностью, так что расстояние почти в три мили мы проехали меньше, чем за полчаса. Он остановился возле большого дома традиционной калькуттской архитектуры в районе Алипор – к югу от зоосада.

Пока он не укатил, я спросил его, где он так выучил английский.

– Работать курьер на почте в Пурулии, сахиб, – сказал он, засовывая десять рупий за отворот набедренной повязки, – Западная Бенгалия.

Поначалу я не понял, при чем тут почта. Потом сообразил. Отголосок колониального прошлого: Западная Бенгалия – единственный штат в Индии, где до сих пор на почту нанимают курьеров, чтобы те пешком доставляли мешки с почтой в отдаленные малонаселенные районы. При этом на левом плече они обычно несут топор с закругленным лезвием – отбиваться от грабителей и диких животных, на правом – сумку с письмами. Профессия курьера, что традиционно для Индии, как правило, переходит от отца к сыну. Но последнее время молодежь стремится из лесов в Калькутту. И в городе становится больше рикш.

Перед тем, как нажать на кнопку звонка, я взглянул на часы: ровно полдень.

Пожилой слуга шаркающей походкой подошел к парадным воротам. Он извинился, сказав, что господин Феруз еще не вернулся с утренней прогулки, и пригласил меня в дом.

Слуга повел меня кратчайшим путем: через увитую виноградом пристройку – кухню, через огород и центральный двор к веранде. Главный дом представлял собой нечто среднее между средиземноморской виллой и особняком эпохи Регентства – двухэтажное квадратное строение с плоской крышей и покрытыми лишайником стенами. Пол на веранде был вымощен камнем, крышей ей служил черепичный навес. На верхнем этаже над верандой виднелись украшенные лепниной перила просторного балкона, во двор выходили четыре окна во всю стену – по два слева и справа от балкона.

Сейчас их закрывали деревянные жалюзи. Стекла в окнах под ними все в пятнах и потеках – действительно они искажали не хуже кривых зеркал в комнате смеха. Дому было не меньше ста лет – в калькуттском климате трудно скрыть возраст постройки: штукатурка местами облупилась, обнажая ярко-красную кирпичную кладку, лепнина под окнами обвалилась, от гранитного медальона над дверью откололся уголок.

Мы вошли в дом. Слуга провел меня через холл, а потом – через длинный коридор с книжными полками вдоль стен. В конце коридора пришлось преодолеть завал рухляди. Тут были и мужские костюмы, и теннисные ракетки, и велосипед, и три плетеных ивовых кресла, и даже складной стол. Камердинер попросил прощения за беспорядок – весь хлам предназначался для продажи на благотворительной ярмарке.

Феруз явно был человеком всесторонне развитым. Обстановка в гостиной подобрана с большим вкусом. Вдоль стен – лакированные книжные полки, наборный аренбергский паркет наполовину скрывал роскошный белуджийский ковер, в углу высился вращающийся стеллаж для томов большого формата. В дальнем конце стояло стейнвеевское пианино с раскрытой партитурой Шопена – хоть сейчас садись и играй. Посреди гостиной – три вольтеровских кресла с белой кожаной обивкой и кружевными салфетками на спинках.

Однако камердинер не остановился – он продолжал шаркать своими стоптанными шлепанцами. Он был стар и стра-

дал одышкой, его сторбленная фигура чем-то напоминала садовый секатор, а лицо с возрастом утратило всякую выразительность.

Мы пришли в кабинет Феруза. Верный слуга усадил меня на стул с гнутыми ножками и удалился, сильно хлопнув дверью. Деревянные жалюзи на окнах почти не пропускали света. По спине пробежал неприятный холодок – меня будто кто-то разглядывал. Стул стоял рядом с письменным столом орехового дерева. На столе лежали письма, разложенные по трем аккуратным стопкам. Одну из них придавливала продолговатая медная коробочка с серебряным тиснением, выполненным арабской вязью. Раньше коробочка явно была частью оружейного лафета. Надпись в нижней части гласила: «Берндорф, 1917 г.»

И повсюду книги. Не какие-то там романы, а серьезные труды, изданные на разных языках. Среди них множество фолиантов ин-кватро в переплете из марокканской кожи и с номерами на корешках. Около половины книг рассказывала о фокусах и магии. Одна полка целиком посвящена жизни и творчеству знаменитого американского фокусника Гарри Гудини. На другой – подборка книг о деяниях индийских йогов и аскетов. Третью занимали альбомы с марками, что коллекционировал учитель.

Напротив книг о Гудини, рядом с дверью, висел в рамке фрагмент кисвы – огромного, расшитого золотом черного шелкового покрывала, которым накрывают камень Каабы в

Мекке. Кисвы меняют раз в год, вес их достигает двух с лишним тонн, над их изготовлением целый год трудятся сто мастеров. Само наличие фрагмента священного покрывала в кабинете говорит о том, что Феруз как правоверный мусульманин совершил паломничество в Мекку – стал хаджи.

К кабинету примыкала кладовка, до самого потолка заполненная газетами, журналами и опять же книгами. Рядом с ней – другая дверь. Я надавил на холодную медную ручку. Вроде, закрыто.

Я вернулся к бумагам на письменном столе, и тут услышал шелест кожаных подошв по паркету гостиной. Дверь кабинета распахнулась, и я обернулся. В дверях по стойке «смирно» стоял Феруз.

На нем красовалась черная каракулевая шапка и шпинатно-зеленое двубортное пальто из грубого сукна. Обут он был в замшевые ботинки ручной работы. Необычный выбор, если учесть, что на улице двадцать пять градусов тепла.

– Я гляжу, ты тут уже успел освоиться...

– Простите, пожалуйста. Просто я от природы любознательный.

– Да? И какой же ты еще «от природы»?

– Скромный, – без ложной скромности заявил я.

Я снова сел на стул с гнутыми ножками и предоставил инициативу Ферузу. Он повесил каракулевую шапку и пальто на привинченный к двери крючок. Потом, даже не взглянув на меня, уселся за покрытый кожей письменный стол.

Собрав со стола все бумаги, сложил их в одну стопку и запер в стоявший тут же шкафчик со стеклянными дверцами.

– Почему ты хочешь освоить искусство престижита-ции? – спросил он.

– Мне всегда было интересно.

– Просто «интересно», или ты без этого жить не можешь? – строго спросил он.

– Жить не могу! – заверил я. – Но прекрасно понимаю: вершин в этом деле можно достичь только под руководством поистине выдающегося учителя.

Моя грубая лесть не произвела на Феруза ровным счетом никакого впечатления.

– Скажи, – в тоне его не прибавилось любезности, – точно ли ты уверен в своих словах? Ты послушный?

– Да... думаю, послушный.

– Если я возьму тебя в ученики, – сказал он, – будешь ли ты меня спрашивать?

– А вам бы этого хотелось?

– Отвечай на мой вопрос.

– Я буду спрашивать вас, если чего-то не пойму.

Учитель кивнул.

– Если я велю тебе что-нибудь сделать, – продолжил он, – ты сделаешь? Даже если тебе будет неприятно?

Какие еще пытки он задумал? Я представил, как Хафиз Джан наблюдает за мной издали. Поэтому ответил осторожно:

– Если вы прикажете, сэр, я приложу все усилия, чтобы выполнить ваше поручение.

Хаким Феруз встал и, взяв со стола два штангенциркуля, в задумчивости уставился на них. Затем выглянул во двор, где росло большое манговое дерево, и свел кончики штангенциркулей вместе.

– Я уже говорил тебе, что Хафиз Джан был одним из лучших моих учеников. Он очень любил иллюзии, жить без них не мог. Я и в самом деле расстроился, когда он покинул меня ради исполнения долга перед семьей.

Феруз смерил меня суровым взглядом. Казалось, он видит насквозь не только меня, но и всех моих предков.

– Я знаю, что Хафиз Джан не отправил бы тебя ко мне, не будь ты ему по-настоящему дорог. По этой причине, – тут он опять выглянул во двор, – я даю тебе шанс.

Я улыбнулся и уселся на маленьком стуле поудобнее. От ворот доносилось пение рождественских славильщиков. Слышно было, как камердинер пытается спровадить их.

– Я не отличаюсь особым терпением, – зловеще усмехнулся Феруз, – так что стоит тебе провалить любое – подчеркиваю – любое мое задание, как мы расстанемся.

– Спасибо, что поверили в меня.

– Запомни хорошенько, друг мой, – Феруз не сдержал саркастической усмешки, – я ровным счетом ни в кого не верю.

Так где, говоришь, ты остановился?

– В районе Парк-стрит, там есть один пансион.

– Иди, забери оттуда вещи. Будешь жить тут, под моим присмотром. Порядки в моем доме строгие, надеюсь, это понятно?

Я сложил большой и указательный палец колючком. Этот жест не встретил у Хакима Феруза одобрения. Он зашагал по комнате, поигрывая штангенциркулями. И тут мне бросилось в глаза, что теперь на нем были оксфордские туфли. Странно. Я что-то не заметил, чтобы он снимал стильные замшевые ботинки, в которых пришел.

– Пока ты в этом доме, будь добр делать то, что я тебе скажу. Будешь просыпаться, когда я скажу, будешь есть то, что я скажу, и вообще будешь в точности выполнять мои приказы.

– А как мне обращаться к вам, господин Феруз?

Волшебник провел пальцем сверху по раме картины, проверяя, нет ли там пыли.

– Многие зовут меня Учителем, – ответил он.

– Когда же мне можно будет начать обучение?

Феруз щелкнул штангенциркулями как кастаньетами.

– Сейчас... – сказал он, сурово глядя на меня. – Вот прямо сейчас и начнем.

Часть вторая

Зрители видят лишь безупречно исполненный фокус, им и невдомек, через какие суровые испытания приходится пройти, чтобы преодолеть страх.

Дж.С. Каннелл «Секреты Гудини»

7

Калькуттские пытки

Я стоял как часовой по стойке «смирно», в самом центре двора под ветвями мангового дерева. Грудь вперед, пятки вместе, спина прямее корабельной мачты. Замер как заяц перед автомобильными фарами. Вот он счастливый момент. Я его так ждал. Наконец-то я твердо знал, что меня приняли, что теперь я буду учеником знаменитого волшебника.

С вытянутыми в стороны руками – будто распятый на кресте – я ждал дальнейших указаний. Поначалу меня, конечно, смущали странные методы обучения, но я держал свои сомнения при себе – уж очень мне хотелось с самого первого дня произвести хорошее впечатление.

Урок первый: встать во дворе, руки вытянуть в стороны ладонями вверх; пальцы растопырить на манер морской

звезды; на левой ладони десять зернышек риса, на правой – очищенная от кожицы винограда. Смысл этого упражнения оставался для меня загадкой. Но поставь я ногу не так, или позволь я себе вопросительный взгляд, меня тут же выгнали бы. Оставалось только подчиниться. Вскоре задание превратилось в такую пытку, что я уже готовился к смерти.

Раз в пятнадцать минут мне позволялось передохнуть – сжать кулаки и положить их на голову, но такие передышки длились ровно одну минуту. Время отмеряли любимые карманные серебряные часы Феруза – с ними он никогда не расставался. Окончание каждой передышки знаменовалось тремя ударами чайной ложечки по эмалированной кружке для подаваний. Учитель всегда носил ее привязанной на поясе, будто талисман. Время от времени он выходил из тени просторной веранды. С надменным – куда там верблюду – видом он подходил убедиться, что на виноградину не налипла пыль, а десять зернышек риса никуда не делись.

Стояла необычная для декабря жаркая погода. Палящие лучи зимнего солнца проникали сквозь крону мангового дерева. Я стойко переносил то, что, казалось, вытерпеть невозможно. Руки пронзала дикая боль, казалось, они вот-вот отвалятся. Тогда я еще не подозревал, что вскоре испытание виноградом и рисом покажется мне детской забавой, о которой можно только мечтать.

Внезапно пытка кончилась. Громко царапнув кору острыми, как ножи, когтями, с дерева сорвался ястреб и сцапал

виноградину. Ударами огромных крыльев птица сбила меня с ног. Феруз отбросил газету и подошел. Я громко стонал, показывая исполосованные птичьими когтями руки в надежде на жалость. Но не таков был этот волшебник, чтобы его можно было пронять какими-то пустячными царапинами. В самом деле, не переломы же.

– Ты обратил внимание? – спросил он.

– Обратил ли я внимание?! Да вы что, не видели, как он на меня набросился? Посмотрите, какие раны.

Я опять протянул к нему руки.

– Butastur teesa, канюк ястребиный белоглазый... нечасто они в последнее время попадают в Калькутте... – он потянул носом. – Кажется, наш пернатый друг решил свить тут гнездо. Надо бы за ним присматривать.

Он сорвал с пояса кружку для подаяний и трижды ударил по ней чайной ложечкой – следующее задание.

Урок второй: раздеться до трусов, выйти во двор и ползать по-пластунски, подбирая осколки ракушек, пока не наберется ровно двести.

Нет ничего хуже, чем носить потом трусы, в которых ползал по двору калькуттского дома. С этим сравнятся разве что ощущения от порезов на локтях и коленях, исполосованных травинками и выброшенными бритвенными лезвиями. Я ползал едва не плача. В кожу впивались бутылочные осколки, но я изо всех сил старался думать о хорошем.

Разум подсказывал мне, что обучение заключается в пре-

одолении себя. Успех в любом деле зависит от того, чем ты готов ради него пожертвовать. Наверное, необычные испытания призваны подготовить меня к изучению волшебства. «Без этих основ, – уговаривал я себя, – мне никогда не пройти всего курса обучения».

Вот уже три часа я ползал по двору, извиваясь, как червяк, но нашел только три осколочка.

Феруз пришел проверить, как у меня продвигаются дела. – Кидай, что нашел, сюда. – Рядом с моим окровавленным локтем оказалась ржавая жестянка из-под табака.

Звук упавших в жестянку обломков ракушек не порадовал учителя – вместо водопада всего три капельки.

– Маловато тут ракушек, – посетовал я, уткнувшись лицом в грязь.

Но Хаким Феруз меня не слушал. Он уже шел обратно в тень.

Прошло еще три часа. Я нашел еще семь осколков ракушек. Беспорядочно тычась туда-сюда по двору, я размышлял, сколько еще несчастных новичков прошли через это испытание. Скудный улов наводил на мысль, что я тут далеко не первый. Неужели и Хафиза Джана тоже заставляли вот так ползать и собирать ракушки? По всей видимости, да. Уж не об этих ли суровых испытаниях он меня так настойчиво предупреждал? Чем больше я размышлял о системе обучения, тем больше у меня возникало вопросов. Неужели соби- рание ракушек – это обряд, через который проходят все, кто

начинает заниматься магией? Что-то не верилось.

День сменился вечером, волшебник вернулся во двор после дневного сна. Он был чисто выбрит, одет в накрахмаленную габардиновую рубашку, брюки в елочку и янтарного цвета грубые башмаки. Он с высоты своего роста взирал, как я ползаю по земле на брюхе, будто крокодил. Спереди трусы на мне протерлись почти до дыр. Мое усталое, израненное тело пыталось приспособиться к новым условиям, я чувствовал себя помесью хамелеона с кротом.

Феруз вытащил из кармана часы, внимательно на них посмотрел и спрятал обратно. Я осмелился поднять глаза на Учителя. Секунду назад он возвышался надо мной, придирчиво меня оглядывая, будто сержант на смотре. И вот он уже развалился в шезлонге. И когда он успел сесть? Я не заметил даже, откуда шезлонг появился.

– Ну ты и перепачкался, – хмыкнул он, будто и впрямь ожидал чего-то другого. – Уже почти восемь. Иди-ка, вымойся. Скажи Гокулу, пусть даст тебе поесть и найдет какой-нибудь матрас. Завтра начинаем рано, так что советую хорошенько выспаться.

– Спасибо, – смиренно поблагодарил я, сам не зная, за что. Откуда ни возьмись появился Гокул – тот самый престарелый камердинер – и помог мне подняться. Большую часть дня я провел, ползая на животе, поэтому превращение из ползучей рептилии в человека прямоходящего далось мне непросто. Гокул понял, что мне трудно встать, поэтому ве-

лел лечь на веранде, а сам разулся и вскарабкался мне на спину, балансируя, точно гимнаст на бревне. Пальцами ног он проникал мне между ребер, расправляя каждую косточку. Потом я отпарился в старинной чугунной ванне, где мылись слуги, и Гокул обработал мне кровоточащие раны на животе раствором йода.

Потом он отвел меня на кухню.

– Жарко целый день на животе, – сказал он бодро.

– Да, тяжело зато пришлось. Очень пыльно.

Гокул положил мне из дымящегося горшочка даал и сукто – нарезанные кубиками жареные овощи.

– Завтра будет хороший день, – сказал он, видимо, в попытке меня подбодрить.

– Да? А вы случайно не знаете, какие планы у господина Феруза на завтра?

Камердинер переменялся в лице.

– Съешьте-ка лучше еще даала – он придаст сил.

* * * *

Первый этап посвящения длился семь дней. Каждый вечер Гокул выпрямлял мне спину, топчась по ней своими шершавыми пятками, смазывал раны йодом и штопал трусы. Когда поблизости не было Феруза с его пронзительным взглядом, мягкосердечный камердинер бросал мне кусочек кокосового ореха или наливал кружечку бодрящего тама-

риндового сока.

Каждый день меня ждали новые, все более и более суровые, испытания.

Урок третий: выкопать во дворе яму в два квадратных фута площадью и два фута глубиной при помощи десертной ложки. Ложку держать только левой рукой.

Урок четвертый: бегать по двору задом наперед, держа в руках пятикиллограммовый кусок льда, обернутый мешковиной. Остановиться можно только, когда весь лед растает.

Урок пятый: взять кувшин со смесью риса и чечевицы и рассортировать зерна с завязанными глазами.

Урок шестой: поймать двенадцать тараканов, пользуясь только жестяной кружкой.

После недели таких измывательств я почти готов был сдаться. Испытания оказались действительно суровыми. Я вконец сбил себе все локти и колени, спина, казалось, вовек уже не разогнется. На руках не осталось живого места от порезов, а живот весь в ссадинах, как слива, что упала с самой верхней ветки. Лицо покрылось волдырями, глаза налились кровью и опухли от постоянного пребывания на ярком солнце. От непрерывной возни в пыли раны никак не затягивались, а только становились глубже.

Феруз перестал быть для меня человеком большого мастерства и утонченности. Я уже тихо ненавидел все, что было с ним связано. Одевался он безупречно, носил пошитую на заказ одежду, волосы зачесывал назад – они лежали волосин-

ка к волосинке, гладкие, будто мокрое птичье перо, от него пахло лосьоном после бритья. Я же превратился в его прямую противоположность. Даже перебирая рис с завязанными глазами, мог безошибочно определить, что он надо мной склонился – нежный аромат лаванды выдавал, что Учитель нагрянул ко мне с проверкой.

Может, в глубине души волшебник затаил злобу на Хафиза Джана? И теперь он получает истинное наслаждение, истязая меня просто так, из мести? Но с другой стороны пуштун ведь предупреждал о зверских методах Феруза.

В основе всех испытаний лежала боль. Такое чувство, что я то ли попал в тренировочный лагерь иностранного легиона, то ли прохожу ритуал посвящения в тайную секту. Одно можно сказать наверняка: такой кошмарный распорядок дня мог составить только отъявленный садист.

Феруз без устали выдумывал все новые и новые пытки. Чем больше боли, тем успешнее урок. Меня поддерживала лишь мысль о том, что путь к настоящему успеху пролегает через трудности.

Причудливые задания и оценивались странно. Когда мне удавалось выдержать испытание, меня бранили гораздо сильнее, чем после провала. Я не знал уже, что и думать. У меня опускались руки.

Пыток во дворе Ферузу показалось мало, и он придумал новые испытания. Бывало, он посреди ночи являлся в мою

кишащую тараканами комнатушку в пристройке для слуг. Не представляю, как он ухитрялся ко мне попасть. После первого же вторжения я стал запира́ть дверь на засов и подпира́ть ее стулом. Мне было любопытно, как же Ферузу удастся обойти все эти баррикады без единого шороха, но он был не из тех, кто благосклонно относится к расспросам о своих передвижениях. Оказавшись в моей комнате, он трижды ударял по кружке для подаяний – сигнал, что я должен быть готов.

– Есть! – хрипел я, не успев еще толком проснуться.

– Мне нужно, чтобы ты выучил стихотворение на бенгали.

Приду – проверю.

На пол падали четыре отпечатанные листка.

– Но я же не умею читать по-бенгальски, – бормотал я, заранее зная, что это мне не поможет.

– Найди того, кто умеет, – отвечал мне Феруз.

Задолго до рассвета, я поднимал с постели Гокула, умоляя его прочитать мне стихотворение. И Гокул читал, не говоря мне ни слова в упрек.

На рассвете, с началом занятий, я просил волшебника проверить выученное стихотворение. Иногда он проверял. А иногда просто спрашивал:

– Выучил?

– Да, – отвечал я.

– Тогда зачем проверять? Мы ведь не в детском саду.

В шесть часов вечера тридцать первого декабря Феруз подошел ко мне – я лежал лицом в грязи, как павший солдат. Большую часть дня я ползал на коленях через весь двор, переносил чайной ложкой грязь из одного ведра в другое.

Если я еще как-то держался, то теперь готов был расплакаться. За всю первую неделю моего обучения о волшебстве не было сказано ни слова. Я все больше и больше убеждался, что выбрал себе не того учителя.

Беспоощадная методика Феруза окончательно меня сломила. Локти и голени у меня были все в ссадинах. В многочисленные ранки на коже набилась грязь. Правое колено ужасно болело, пришлось замотать его обрывками старой простыни.

Феруз по-прежнему не снисходил до того, чтобы заметить, какую боль он мне причиняет. Склонившись надо мной, он недовольно передернул плечами – вышло похоже на задиристую птицу. Волшебник протянул мне платок высморгаться. Я погрузил обожженное солнцем лицо в складки прохладного нежного шелка и громко сморгнулся. Комочки спрессованной калькуттской грязи вылетели из ноздрей, будто дротики из духового ружья. Встать без посторонней помощи я не мог, поэтому остался лежать, протягивая волшебнику платок. Он с омерзением оттолкнул мою руку.

Стукнув один раз по кружке, он призвал Гокула. Верный

камердинер появился из кухни. Все четверо слуг в доме были приучены распознавать стук, которым Феруз вызывал их – своеобразная форма морзянки.

– Гокул, – распорядился он, – помоги господину Шаху встать. Пусть он как следует вымоется. Проследите, чтобы уши он прочистил с особой тщательностью.

– Будет исполнено, сахиб!

– Сегодня ты здесь не ночуешь, – сказал Феруз, глядя на меня сверху вниз.

– ?

– Сегодняшнюю ночь ты проведешь на Парк-стрит.

Я уже вовсю воображал себе джакузи и двуспальную кровать с накрахмаленными простынями.

– Мне снять номер в гостинице?

– В этом нет необходимости, – сухо произнес волшебник. – Я приготовил тебе сюрприз. Гокул в курсе, он тебя проводит.

Избавившись от глубоко засевшей в носу и ушах грязи, я почувствовал прилив энергии. Парк-стрит... это же калькуттская площадь Пиккадилли. Какой разительный контраст с жилищем учителя.

Камердинер вывел меня на улицу. Уже стемнело. Правой рукой он прижимал к себе перевязанный бечевкой коричневый сверток.

– Куда мы идем, Гокул?

Камердинер ничего не сказал. Только посмотрел на меня

сочувственно и указал глазами на таинственный сверток.

– Мы идем встречать новый год? А фейерверк будет?

Гокул не проронил ни слова.

– Это у тебя подарок, да?

И этот вопрос Гокул оставил без ответа.

Такси доставило нас в самый тихий и отдаленный уголок Парк-стрит. Я снова подступил к Гокулу с расспросами.

– Мы ведь проехали все лучшие отели, они на другом конце улицы.

– Да, на другом, – ответил Гокул.

– А тут... тут одни бензозаправки, продавцы паана, автомастерские и... – тут я вспомнил, чем еще была знаменита Парк-стрит, и умолк, не в силах преодолеть разочарование – ...кладбище к югу от Парк-стрит.

Гокул кивнул. Он вел меня вовсе не на веселую новогоднюю вечеринку, а на кладбище. И мне предстояло провести там всю ночь. Одному.

– Гокул, – прошептал я, пока он открывал тяжелые кованые ворота английского кладбища, – может, мы с тобой как-нибудь договоримся?

Камердинер знаком дал понять, что подкупить его не получится.

– Хозяин может проверить. Его не обманешь.

Миновав домик сторожа, мы все дальше и дальше углублялись по главной аллее. Внезапно Гокул остановился, положил сверток на небольшое надгробие и пожелал мне удачи.

Вернется он за мной только утром.

Старый слуга шел обратно к воротам сквозь голубоватую мглу. Видно было, что ему боязно, но шаг он не ускорял, помня о чувстве собственного достоинства.

Когда он скрылся из виду, я вскрыл сверток и попытался на ощупь определить, что в нем. Внутри оказалась свеча, коробок спичек, нейлоновое одеяло, пригоршня фиников, шесть хрустящих самосов¹⁴ и дешевая брошюрка о кладбище.

Кладбище на Парк-стрит – это удивительное место. При других обстоятельствах я бы с удовольствием о нем написал. Изначально кладбище устроили на самой окраине города, но сейчас это почти центр Калькутты.

Всеми покинутый – даже Гокулом, которого я уже начал считать чуть ли не своим наперсником, – я гадал, что же мне делать дальше. Спустя какое-то время глаза привыкли к ночной темноте. От остального мира кладбище отгораживала высокая, поросшая лишайником стена. Из-за нее доносился гул еще более многочисленных, чем обычно, машин – приближался Новый год. Я же, к своему несчастью, пересек реку Стикс и попал в царство Аида.

Чтобы окончательно не пасть духом, я представил, что меня отправили в разведку. Хоть какое-то развлечение, лишь

¹⁴ Самосы – жареные пирожки треугольной формы с начинкой из овощей или мяса с острыми специями – прим. перев.

бы не думать о том, что придется коротать ночь среди покойников.

Сначала я повторил одну из любимых присказок деда: «Время, проведенное в разведке, редко проходит впустую». Потом напряг мышцы спины, будто поджидающий добычу охотник. Теперь можно было предварительно осмотреться.

Я зажег свечку и медленно побрел по заросшим тропинкам, разглядывая могилы. Кое-где на фоне ночного неба виднелись пирамиды – автор надгробия явно черпал вдохновение в пирамидах египетской долины Гизы. Купола в римском стиле напоминали летние эстрады приморского Брайтона. Куда бы я ни пошел, повсюду виднелись внушительные каменные памятники. На облицованных итальянским мрамором склепах размером с загородный домик громоздились впечатляющих размеров гранитные урны.

Я раскрыл брошюру и при свете свечи принялся читать об истории кладбища. Основанное в 1769 году английское кладбище закрыли двадцать три года спустя – места для могил больше не осталось. Здесь погребены многие выдающиеся сыны Империи. Калькутта, какой они ее помнили, сильно отличалась от современного города. В те времена в городе свирепствовали страшные болезни, слабые здоровьем попросту не выживали. Изнеженные европейцы не могли противостоять холере, бешенству, оспе, малярии и туберкулезу. А сколько народу погибло от неизвестных болезней. Вот могила Элизы Маклин, на ней написано, что она умерла в 1826

году, через пять месяцев после приезда в Калькутту «от одной из смертельных болезней, распространенных в индийском климате».

Кого-то убивали тропические болезни, а кто-то сам губил свое здоровье. Немало жизней унес и алкоголь. Кто-то умирал не такой пугающей смертью. Вот, например, сэр Джон д'Оули, шестой баронет, бывший депутат Парламента от города Ипсвич, попал на кладбище Парк-Стрит, умерев «от нервного расстройства вследствие непомерного воскурения кальяна». А вот погребенная под пышным кенотафом Роза Айлмер умерла в семнадцать лет от того, что «объелась ана-насами».

Самая большая из пирамид венчала усыпальницу Элизабет Джейн Баруэлл. Она и служила мне ориентиром в моих ночных блужданиях. Миновав заросли, я вышел к совершенно необыкновенным могилам: тут были захоронены праправнучка короля Карла II, прапрадед Уильяма Теккерея и сын Чарльза Диккенса. Они покоятся среди тишины и зелени в самом центре одного из самых больших городов Азии.

Посаженные еще англичанами индийские деррисы сильно разрослись – старинное кладбище больше походило на священную рощу друидов. Удивительно, я бродил по кладбищу, но жутко мне не было. Может, оттого, что в Индии невозможно по-настоящему остаться одному.

В юго-восточной части кладбищенской ограды зияла круглая дыра. Будто туда попало пушечное ядро. Сквозь нее

явственно виднелись красные габаритные огни такси марки «Ambassador». Они манили меня будто миражи. А что если взять и сбежать отсюда? Выскользнуть в город, побаловать себя вкусной едой... провести там новогоднюю ночь... а потом, перед самым рассветом, прокрасться обратно. Отличный план. Я посмотрел налево, потом направо. Тишина.

Я решительно направился к широкому отверстию, и тут услышал, что за мной кто-то идет. Шаги приближались. Я в ужасе обернулся. Никого.

– Кто здесь? – спросил я.

– Куда это ты? – вопрос прозвучал по-английски без малейшего акцента.

– Никуда, – промямлил я. – Просто хочу осмотреть эту дыру.

– Тебе же нельзя уходить с кладбища!

– А... – я, признаться, несколько опешил. – А вы кто?

Из-за полуразвалившегося памятника выступила смутная фигура. Я сощурился, чтобы лучше видеть. Мальчишка лет пятнадцати. В светлой рубашке и пестрой набедренной повязке. Высокий, движения быстрые и какие-то нарочитые.

– Тебе велено оставаться здесь, – прокричал он.

– Я-то знаю, а тебе откуда известно?

– Работа у меня такая – знать. Пойдем, посидишь с нами, – сказал он.

– С нами?

В брошюре было написано, что одно время среди могил

жили разбойники. Награбленное они зарывали между могил. Может, юноша из разбойников? Но откуда он знает обо мне и моих злоключениях?

– Пойдем, посидишь с нами, – повторил юноша.

– Но кто ты такой? – опять задал я вопрос.

– Меня зовут Топу. Я живу здесь с другими, – с этими словами он потянул меня за собой.

Мы подошли к грубой самодельной палатке, установленной довольно далеко от сторожки. От остального кладбища ее отделяла невысокая земляная насыпь. Возле палатки горел костер, вокруг него сгрудились еще трое парнишек примерно одного с Топу возраста. При виде чужака они не выказали ни малейшего удивления.

– Они не говорят по-английски, – сказала Топу.

– Это твои братья?

– Нет, друзья.

– А что вы здесь делаете?

– Я ведь уже сказал: живем.

– Живете на кладбище?

– А что тут такого?

– Да, в общем-то, ничего.

Парнишка хрустнул суставами пальцев.

– Правда, бывает, нас отсюда гоняют, – сказал он. – И палатку ломают. Но мы всегда возвращаемся. Тут за кладбищенской оградой по утрам раздают бесплатный суп. Мы всегда первые в очереди.

– А про меня ты как узнал?

– Да приходил тут один, просил за тобой приглядеть.

– Это такой старый, хорошо одетый и с усами?

– Да, старый и одет шикарно. Дал нам сто рупий.

– Ну, Феруз! – я чуть было не задохнулся от гнева. – Нанял шпионов, чтобы я не сбежал.

– Он попросил за тобой приглядеть, – повторил мальчишка.

Все, хватит с меня издевательств Феруза. Я стойко сносил его оскорбления, хотя он обращался со мной хуже, чем с последним лагерным узником где-нибудь в Сибири. Но на этот раз волшебник превзошел сам себя. Огонь освещал лица четырех мальчишек, делая их похожими на певчих в церкви во время всенощной. Такого Нового года в моей жизни еще не было. Ну, а для мальчишек, живущих под открытым небом, это была всего-навсего еще одна ночь.

Я приехал сюда изучать сценические фокусы, а вынужден встречать Новый год на заброшенном кладбище. Поистине, в этой стране каждый получает то, чего ему действительно не хватает. Неужели вместо обучения волшебству мне нужно именно это?

Один из мальчишек поделился со мной подгоревшей лепешкой чапати, на удивление вкусной. Я вспомнил, что и у меня тоже имеется кое-какая еда. Вытащив финики с самосами, я угостил мальчишек.

– Кладбище большое, – нарушил я молчание, – почему же

здесь только вы и больше никого?

– Раньше тут жили сотнями, – ответил Топу, вонзая зубы в пирожок, – но потом кладбище стали приводить в порядок, и всех вышвырнули. А до недавнего времени тут еще и разбойники скрывались.

– Да, я читал.

– И это правда, – продолжил мальчишка, – Кое-кто из них зарывал тут свою добычу. Здесь много кладов. А еще они воровали скелеты и продавали их конкалваллам.

– Это еще кто?

Мальчик сделал круглые глаза. Он придвинулся ко мне – его лицо при этом осветилось золотистыми сполохами костра – и шепотом поведал:

– Конкалваллы скупают трупы. Им продают неопознанные трупы или трупы, которые выкапывают на кладбищах. Они вымачивают тела в кислоте и отправляют кости за границу.

– Кому могут понадобиться кости?

– Школам, где на докторов учат, разумеется... – Топу с жадностью схватил еще один пирожок и сунул его в рот. – Правда, сейчас экспорт скелетов объявлен вне закона.

– И что, бизнес заглох?

– Да нет, просто все теперь делают потихоньку. Ушли в подполье.

Топу был так хорошо осведомлен, что у меня возникли подозрения: уж не замешан ли он сам в этой незаконной тор-

говле?

– А где ты так здорово английский выучил? – сменил я тему.

– Так у меня приятель есть, он торговал книгами на Колледж-стрит, ну, я ему и помогал. Он книги по медицине продавал. От него и выучился.

– И чем ты занимаешься сейчас?

– Да так, – сказал Топу, – чем придется.

– А почему не ищешь на кладбище зарытые сокровища?

Топу в ответ лишь лукаво на меня посмотрел и улыбнулся.

На рассвете первого дня нового года меня разбудили вопли калькуттских грачей. Огромные черные птицы с громким шумом носились над кладбищем, будто птеродактили. Иногда они ныряли вниз и пролетали между памятников. Я глянул на часы: семь утра. Огляделся по сторонам: мальчишки спали вокруг тлеющего костра рядом с палаткой.

Я испугался: а вдруг Феруз с Гокулом не знают, что я повстречал мальчишек. Я собирался уже потихоньку прокрасться к той могиле, куда меня привел пожилой камердинер.

Топу сквозь сон услышал, что я встаю. Он тут же открыл глаза и сел.

– Увидимся, – сказал он.

– Надеюсь.

– Если что понадобится, ты знаешь, где нас найти.

– Спасибо, Топу, я запомню.

Днем на кладбище было так же спокойно, как и ночью. Могилы смотрелись тут совсем неуместно, будто осколки какого-то исчезнувшего мира. Я отчетливо представлял, как английские колониалисты торжественно, при свете факелов, хоронят здесь своих близких. Они жили и умирали здесь, вдали от родины. Но они принадлежали другой эпохе. И теперь их склепы, точно так же, как возведенные ими роскошные дома, были никому не нужны.

В восемь утра Гокул нашел меня у склепа Элизабет Баруэлл – того самого, что в форме пирамиды – я лежал, завернувшись в розовое нейлоновое одеяло.

– Как спали?

– Как убитый.

– Вот и отлично, сахиб, – кивнул он, – Учитель уже ждет.

Такси остановилось перед алипорским особняком, и я понял, что очень хочу вернуться на кладбище. Там, по крайней мере, я мог свободно распоряжаться собой. Я приехал в Индию постигать премудрости волшебства, а узнал о них ничтожно мало. Двадцать лет назад на чердаке нашего английского дома Хафиз Джан и то научил меня большому. Я корил себя за то, что не проявил настойчивость и не упрямил пуштуну стать моим учителем. Пока я предавался горестным размышлениям, с веранды вышел Феруз.

– С Новым годом! Как прошел вечер? – спросил он.

– Познавательно. Я многое узнал о Парк-стрит.

– Какие-нибудь необычные встречи были?

– Да я бы не сказал.

Феруз, как всегда, меня не слушал.

– Следуй за мной, Тахир, – громко и торжественно произнес он.

Ух ты! Учитель назвал меня по имени! А я и не подозревал, что он знает мое имя.

– Куда мы идем?

Феруз привел меня в особняк – раньше меня туда не допускали. Мы поднялись по винтовой лестнице тикового дерева с резными балясинами. Оказавшись на втором этаже, волшебник вставил медный ключ в замок массивной, обшитой деревянными панелями двери. Поворот ключа налево, и дверь распахнулась.

Я очутился в роскошной комнате со стенами нежно-фиолетового цвета. В ней стояла огромная кровать красного дерева с балдахином, множеством взбитых подушек и подушечек, застеленная расшитым стеганым одеялом. Для того, кто провел ночь на кладбище, не могло быть зрелища отраднее.

Напротив кровати красовался сосновый комод с открывающейся верхней крышкой, под которой виднелась раковина и даже маленькое зеркальце для бритья. В дальнем углу стоял палисандровый секретер с инкрустированным слоновой костью геометрическим узором. В комнате пахло нафталиновыми шариками от моли.

– В качестве новогоднего подарка разрешаю тебе пожить

здесь, – провозгласил Феруз.

– Да мне и в комнатке для прислуги неплохо, – смиренно ответил я.

– Уверен? – изогнул бровь Учитель.

– Но если вы настаиваете, не смею вам перечить, – сказал я, дотрагиваясь до кровати.

– По мне, так можешь ночевать хоть у Гокула под кроватью, – хмыкнул Феруз.

Я молча схватил ключ и пошел за наставником. Неужели тирании конец? Неужели меня ждет настоящее обучение?

Поживем – увидим.

– Покажи руки, – резко потребовал Феруз, едва мы вошли в его кабинет.

Я показал. Он придирчиво осмотрел их, уделив особое внимание коже между пальцами. От его острого взгляда не могли укрыться ни обломанные ногти, ни истерзанные подушечки пальцев, ни израненные ладони.

Оставшись довольным, он, однако, притворно вздохнул. И сказал:

– Очень важно, чтобы ты безукоризненно исполнял все мои указания. Только так ты продвинешься в изучении волшебства. Теперь я вижу, что ты умеешь подчиняться... умеешь быть послушным.

Феруз встал и задумчиво поглядел в окно, собираясь с мыслями. Оказывается, все эти тесты на покорность – вот

как это теперь называлось – были чем-то вроде курса молодого бойца в элитных парашютно-десантных войсках британских ВВС. При подготовке британских спецназовцев тоже действует система, при которой нагрузки со временем снижают. Поначалу новобранцы выполняют самые трудные упражнения, дальше становится все легче и легче. Своеобразная прополка сорняков: наименее стойкие бойцы отсеиваются. И хотя может статься, что я уже не справлюсь от полученных увечий, я пережил эту прополку, остался на грядке.

– Теперь, когда измывательствам пришел конец, можно все-таки узнать, какое они имели отношение к обучению волшебству? – спросил я.

– Это ты про виноград, рытье ям чайной ложкой... поиски ракушек... и все остальное?

– Да... какое все это имело отношение к обучению?

Учитель щелкнул каблуками и кашлянул.

– Все это... – хмыкнул он. – Да ровным счетом никакого.

– Тогда зачем вы меня так мучили?

– Ты что, решил со мной спорить? – Феруз от злости даже щелкнул зубами.

– Нет, конечно.

– Ты говорил, что хочешь научиться волшебству и искусству показывать фокусы! – кричал он, со злобой глядя мне в глаза. – Но перед тем, как ты что-нибудь выучишь... перед тем, как начнешь работать... тебе необходимо кое-что

понять.

– Конечно.

– Ты должен помнить, что находишься в Индии. А в Индии иллюзии совершенно не такие, как на Западе, – Феруз сделал глубокий вдох. – В Индии иллюзии, волшебство, фокусы, колдовство – называй, как хочешь – это не какие-то там капризы и причуды. Здесь к этому относятся со всей серьезностью. Это орудие непревзойденной силы. Тут в Индии каждый день, – Учитель вошел в раж, – люди пользуются техникой создания иллюзий по совершенно разным поводам. Садху, целители и попрошайки, мистики и астрологи, так называемые «святые» и уличные артисты – все они пользуются приемами сценической магии. Кто-то зарабатывает фокусами честно, а кто-то нечестно. При помощи иллюзий простые люди воплощают свои мечты, например, о небывалом богатстве или огромной власти.

– Вспомни, что творилось в Европе триста лет назад, – продолжил Феруз, поправив запонки. – Народ был суеверный. Все верили в колдовство, магию и всякого рода сверхъестественные силы. Посмотри на сегодняшнюю Индию – увидишь то же самое. Возьми любого человека на улице, – волшебник показал за окно, – и материализуй у него на глазах золотые часы из воздуха. Он тут же поверит, что это самая настоящая магия.

Феруз был прав. На Западе фокусы низвели до уровня ловкости рук. Всем известно, что фокус с картами – это все-

го лишь фокус. Но в Индии при помощи простейших приемов обмана можно собрать тысячи последователей.

– Я всю жизнь посвятил изучению иллюзий, – многозначительно сказал Феруз, – я изучал влияние иллюзий на человеческую психику, от «чуда», сотворенного где-нибудь в глухой деревушке в штате Орисса, до простейших уловок жрецов в Варанаси.

– Я объехал всю Индию – от крупных городов до отдаленных селений, – Феруз замолчал и вытер рукой рот. – И везде искал тех, чья жизнь зависит от обмана, тех, кто творит чудеса на потребу толпе.

Я откинулся на спинку стула и смотрел, как волшебник ходит по кабинету. Первым делом он закрыл дверь. Потом подошел к полке с книгами про Гудини – они стояли как раз на уровне глаз. Вернее, носа. Прижавшись носом к крайней книге слева, Феруз двигался вправо, обнюхивая каждую из книг. Делая вдох, он напрягал мышцы спины и сжимал кулаки. Казалось, с каждым вдохом он становится все сильнее. И только обнюхав каждую книгу, он продолжил свой рассказ.

– Теперь, когда ты доказал, что умеешь беспрекословно повиноваться, – говорил он, – перейдем к следующему этапу. Со временем я поделюсь с тобой кое-чем из своих секретов. А уж как ты распорядишься этими знаниями – решай сам. По окончании курса обучения ты вполне можешь решить, что инструмент этот дарует слишком большую мощь, и что лучше к нему не прибегать. Решение за тобой.

За окном послышался шум аварии, я отвлекся и выглянул в окно, ожидая увидеть кровавое месиво. Но ничего такого там и в помине не было. Я снова обернулся. Феруза уже и след простыл.

Дверь кабинета была заперта изнутри – в замке по-прежнему торчал ключ. Остальные две двери – тоже на замке. Как и окна. Я принялся искать какой-нибудь люк или потайной рычаг... но ничего не нашел. Единственная подсказка обнаружилась под полкой с книгами о Гудини: темная лужица густой как патока жидкости – машинное масло.

8

Ученик мага

– Чтобы стать великим волшебником, – безапелляционно заявил Феруз, когда на следующий день в шесть утра у нас начался очередной урок, – ты должен изучать классиков.

– Каких классиков?

– Во-первых, ты должен проштудировать Робера Удена, Гудини, Калиостро и Келлара. Следующим этапом будет изучение иллюзионистов из числа аскетов, мудрецов и садху – лучших индийских мастеров.

Одетый в костюм для верховой езды: бриджи-джодпуры, сапоги высотой до колена и пиджак в мелкую ломаную клетку, Феруз размахивал стеком из полового члена быка, указывая им на книжные полки.

– Это классические труды, – продолжал он. – Ты должен все их прочесть и выучить. Но сначала тебе надо как следует подготовиться. Самое важное в этом деле – подготовка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.